

Р О Б Е Р Т Р А Й А Н

З Е М Л Я М Е Р Т В Е Ц О В

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДОКТОРА
ВАТСОНА

Проект Шерлок

Роберт Райан

Земля мертвецов

«АСТ»

2013

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Райан Р.

Земля мертвецов / Р. Райан — «АСТ», 2013 — (Проект Шерлок)

ISBN 978-5-17-096049-1

1914 год. Доктор Джон Ватсон отправляется на фронт служить в медицинских войсках. Он думает, что расследование преступлений осталось в прошлом, и не знает, что главное испытание в его жизни еще впереди. В окопах Фландрии люди гибнут сотнями каждый день, но когда доктор Ватсон находит тело с очень странными ранами и с гримасой страха на лице, словно перед смертью погибший увидел нечто ужасное, он понимает, что на обычную смерть от пули или газа это не похоже. Когда же таких трупов начинает появляться все больше, Ватсону приходится применить навыки, приобретенные за годы помощи Шерлоку Холмсу. Посреди кровавой бойни, на полях сражений Первой мировой войны ему придется все делать самому, чтобы найти убийцу, который не остановится ни перед чем.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-096049-1

© Райан Р., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Суббота	6
Понедельник	17
Вторник	38
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Роберт Райан

Земля мертвецов.

Приключения доктора Ватсона

Бэллэ

и Клайву Пауэллу, истинному Ли Полу

Robert Ryan
DEAD MAN'S LAND

First published in the English language
by Simon & Schuster UK Ltd, England

Печатается с разрешения автора, издательства Simon & Schuster UK Ltd и литературного агентства Prava I Prevodi International Literary Agency

Перевод с английского: *Галина Соловьева*

От автора:

образ доктора Ватсона, созданный сэром Артуром Конан-Дойлем, использован здесь с любезного разрешения Jonathan Clowes Ltd в лице администратора «правообладателей Конан-Дойля» Андре Планкета

Георг, милостью Божией король Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии и заморских британских доминионов, защитник веры, император Индии etc. Нашему верному и возлюбленному Джону Хэммишу Ватсону, доктору медицины.

Мы, питая особое доверие к Вашей преданности, мужеству и добропорядочности, настоящим распоряжаемся и назначаем Вас в медицинскую службу наших сухопутных войск от двадцать второго дня октября 1914 года. Посему надлежит Вам прилежно и усердно исполнять свой долг в звании майора или в более высоком ранге, каковой мы в дальнейшем будем иметь удовольствие Вам присвоить, о чем уведомление будет сделано в «Лондон газетт».

Дано в нашем дворце Сент-Джеймс двадцать второго октября 1914 года в пятый год нашего царствования.

От командования его величества

*Джону Хэммишу Ватсону, доктору медицины,
майору медицинской службы королевской армии,
пехотные войска*

Суббота

1

Когда наблюдательный аэростат поднялся над сплетением ветвей, майор вцепился в края гондолы так, что кровь чуть не брызнула из костяшек пальцев. Он рискнул бросить короткий взгляд на уходящий вниз лес. На земле под деревьями сутились солдаты Третьего пехотного аэростатного (учебного) полка – расправляли змеившийся от вздымающейся туши аэростата к лебедке в кузове грузовика шланг толщиной в руку, чтобы не запутался, когда баллон наберет высоту. Другие аккуратно сматывали отцепленные пуповины, подававшие пищу от цистерны в прожорливое брюхо шара. Для запуска одного аэростата нужно сорок восемь человек – так ему сказали. Майор охотно верил.

Люди на земле уже превратились в муравьев, а большая поляна среди леса – в пятнышко среди буковых, дубовых и лиственничных крон окрестного леса. За деревьями стояла его машина, и шофер Бриндл, прикрыв глаза ладонью, всматривался в вынырнувшее из-за вершин странное видение. Шофер помахал ему, и майор, замаявшись немного, счел должным ответить, хотя и сомневался, позволительна ли такая фамильярность с рядовым.

За спиной Бриндла виднелась деревенька, которую они миновали на заре, – теперь, когда совсем рассвело, стало заметно, что церковный шпиль покосился от удара снаряда. Майор смотрел на черную ленточку шоссе, протянувшуюся к госпиталю, покинутому, когда солнце еще не потревожило небес. Справа виднелся мягкий, как ватка, дымок из трубы паровоза – поезд спешил во Францию, к морю, может быть, вез раненых в госпитали Байоля и Сент-Омера или к большим палаточным лагерям, протянувшимся от Кале до Болоньи.

Небо заглатывало дымки от малых локомотивов, перевозивших людей и боеприпасы по сети спешно проложенных за линией фронта рельсовых путей. Майор видел жесткие, как по линейке прочерченные линии далеких каналов: их темные воды прогибались под перегруженными баржами. Дальше лежал большой парк грузовиков, буро-зеленый человеческий посев: металл и брезент фургонов, взошедший на месте пшеницы и овса. Еще дальше, к Валлонии, в полях густо взметывались тонкие палочки – их регулярный порядок нарушался глубокими ямами, словно некий гигант проминал середину пальцем, разметывая хрупкий узор. «Разрывы снарядов», – решил майор.

С высоты ему видна была вся земля: леса и поля, хребты и болота с сеткой тропинок и топких проселков, тележных колес, мостиков, волоков, канав и дорожек – все старинные пути и средства передвижения по стране, от рынка к рынку, от деревни к церкви, от хуторка к городу, от рождения к смерти. Для современной войны такое движение было слишком медлительным. Поверх этой сеточки раскидывалась новая дорожная сеть, стальные клетки которой должны были отзываться стуку тяжелых сапог и рокоту резиновых шин. Между этими свежими швами на ткани Фландрии и Валлонии майор видел десятки белых крестьянских домиков с яркой черепицей крыш и мощеными дворами, на которых кое-где просматривался игрушечный скот.

Майор почти успокоился, но тут порыв ветра ударил в бок шара – аэростатчики окрестили его «Флори». Аэростат дернулся, как загарпуненный кит, подвешенная под ним корзина накренилась. Майор вцепился в края еще крепче.

– Вам удобно, сэр? – осведомился лейтенант Слаттери, его товарищ по хлипкой гондоле.

«Нет, – чуть не ответил он этому раздумавшемуся от привычной высоты юноше, – мне совсем не удобно». После давней аварии майор клялся себе, что начнет новую жизнь и никогда не станет спорить с силой тяжести. Но вот он здесь, парит над бельгийской лесной

прогалиной на пухлой колбасе, раздутой тридцатью тысячами кубических футов продукта от перегонки угля, утекающего так, что вся округа пропахла газом, – стоит в корзине, которой место на пикнике в Хэмпстед-хит. «Я врач, – хотелось объяснить ему, – а не... как это называется? Воздухоплаватель? Да, кажется, так». Слово неприятно отдавало безумием.

«Флори» застонал под новым ударом ветра. Только на этот раз воздух наполнил полукруглые карманы на его гуттаперчевом чехле и развернул носом к ветру. Подвешенная корзина закачалась маятником, и желудок майора совершил кувырок.

– Я, верно, с ума сошел, – пробормотал он себе под нос, но так, чтобы Слаттери расслышал.

– Не тревожьтесь. Я всегда говорил, что хуже всего – взлет, пока не наполнятся хвостовые стабилизаторы. Минутку нас потрясет. Со временем привыкнете.

– Одного раза с меня хватит, – возразил майор. – Я и в этот не напрашивался.

Армейская медслужба долго противилась просьбам майора об отправке на фронт. Кое-кто считал, что в его годы не стоило бы пересекать Пролив, тем паче – рисковать собой. «Удивительно, – отвечал он, – что мы предпочитаем убивать молодых, цenia их жизни меньше тех, кто уже отжил добрую часть назначенных семидесяти лет». Майор полагал, что мир едва ли будет оплакивать его кончину, и в этой мысли крылось ядрышко горечи.

Наконец его прошение о переводе на передовые позиции легло на стол заместителя начальника армейской медслужбы Франции и Бельгии. Тот решил, что старший военврач, желающий хлебнуть фронтовой жизни, волен на себе испытать, во что ввязывается.

Фронт. Он представлялся майору мифическим зверем. Плоды его злодейств майор уже видел на койках больницы Черринг-Кросс, на носилках вокзалов Лондона, Дувра и Болоньи, в переполненных полевых госпиталях Вимеро, Лилля и Байоля. Раненые умоляли не посылать их обратно и оплакивали оставшихся в лапах чудовища друзей. Иные бледнели при одном упоминании о передовой, а редкие храбрецы рвались снова вступить в бой с фронтом, как будто провалили первый экзамен на мужество. В сознании майора фронт был живым существом, пережевывающим и выплевывающим тысячи людей зараз. При виде его змеистых очертаний на карте он приглушал голос, словно читал на легенде старого атласа: «Здесь обитают драконы».

– Ну вот, – Слаттери поднял голову к «Флори» и, похоже, остался доволен увиденным, – дальше пойдет гладко.

Лейтенант деловито отвязывал две веревки от каната гондолы. Освобожденные концы, обхватившие колбасу аэростата, повисли у него по бокам.

– На всякий случай, майор, эти два устройства вам следует знать. Первый – спускной клапан. С его помощью снизимся плавно, даже без лебедки. А это... – он постучал по канату, отмеченному красной полоской, – аварийный спуск. – Лейтенант кивнул на «Флори». – Его ни в коем случае не трогайте. Он вырвет кусок обшивки и разом выпустит газ. Поможет быстро спуститься, если покажутся вражеские аэропланы. Бывает, что слишком быстро, но вы не беспокойтесь. В это время дня редко что случается. Война делает перерыв на завтрак.

Когда шар успокоился, майор снова взглянул на покинутую недавно землю Бельгии. Высоко ли они поднялись? Он устремил взор в сторону Франции, всматриваясь в дымку и гадая, нельзя ли с такой высоты увидеть Англию.

– Майор? – Постучав его по плечу, Слаттери протянул тяжелый бинокль и указал на восток: – Фронт там.

Майор повернулся к востоку и поднес бинокль к глазам – голова закружилась, когда расплывающийся мир бросился на него. Он подкрутил колечко фокусировки. Так человечество уже не виделось расплывчатыми пятнышками. Он ясно различил фермера, поставившего ногу на перекладину ворот и с довольным видом курившего трубку, глядя, как свинья кормит поросят. В нескольких сотнях ярдов от него солдаты кипятили чай в домике без одной стены, а в поле кавалеристы чистили коней, и майор видел пар, поднимающийся от разгоряченных

галопом животных. Девочка в белой кофточке и длинной шерстяной юбке, с желтым платком на голове расхаживала среди сердитых гусей, рассыпая корм и лениво пиная запоздавших убраться с дороги.

У полевой кухни повар раздавал еду угрюмым томми, а рядом, у шатровой палатки, два офицера расставили на шатком столике яичницу и толстые хрустящие куски хлеба. Офицеры курили и попивали чай из жестяных кружек. Один запрокинул голову, смеясь над какой-то шуткой, и чуть не свалился, когда ножки стула ушли в мягкую землю. Тогда захохотал и второй. Мальчишки – теперь, когда они подначивали друг друга, это стало очевидно. Не старше двадцати. В сотне ярдов от молодых офицеров майор заметил еще одно непривычное зрелище: там густо теснились деревянные кресты: тела павших дожидались эксгумации, после которой их перевезут на постоянное место упокоения. Перед одним из крестов одиноко стоял человек – склонил голову, быть может, в молитве, а каску держал в руке. Майор отвел любопытный взгляд, чувствуя, что бестактно вмешался в чужое горе.

Все и каждый, на ком останавливались линзы бинокля, вели себя так, будто до боев было много-много миль. Но по мере того, как аэростат поднимался выше, становилось очевидным, как мало на самом деле это расстояние. С каждым футом, с каждым ярдом война лезла в глаза.

– Наш полк учебный, поэтому нас держат подальше от места действия, и видно не очень хорошо, сэр. Но взгляните налево, на север. Там долина Ипра, выступ на германскую территорию. Видите те холмы? Там немцы. Бедолагам внизу досталось. Взгляните, кое-где обломки торчат. Там были деревни. Батареи видите? Это, конечно, наши. Теперь смотрите прямо вперед. Вы уж мне поверьте, майор, только отсюда и можно разобрать, что происходит. В траншеях головы не поднять, и мир для вас сужается.

Не волнуйтесь, они далеко, малокалиберным нас не достать: немцу, который нас подбьет, причиталась бы главная из германских медалей. Начинайте с того, что ближе к нам. Фермы видите, сэр? Ни одной крыши не уцелело. Там люди отдыхают по пути с фронта и на фронт или кому выпало несколько дней в отпуске. Теперь смотрите дальше, вдоль новой дороги. Вам должны быть видны темные линии. Тянутся с севера на юг. То есть справа налево, видите? Нашли? Вторая линия траншей. Невозможно все время держать людей на острие, нужна смена. Так, от них ответвляются... осторожно, ветер меняется, «Флори» сейчас выправится... от них ответвляются ходы сообщения к окопам передовой. Идут зигзагом, верно? Почти все траншеи так, вы еще увидите. А где не зигзагом, там с выступами вроде бастионов. Так, если кто ворвется, ему перекрывается линия огня, да и осколки не разлетаются на милю. Траверсы – так их правильно называть – они, видите ли, сдерживают взрывную волну. Учиться пришлось на собственной шкуре. Следующий ряд слева направо – это окопы огневой поддержки, вторые от передовой. Там вы, возможно, и получите свое. Пункты первой помощи располагаются в них. А дальше еще ходы сообщения идут к главной стрелковой линии. К самой передовой. Видите: парапеты, мешки с песком? А за ними проволока и заграждения от кавалерийской атаки. А за ними...

– Ничья земля, – произнес майор пересохшими губами.

Они поднялись уже так высоко, что виден был тот же рисунок траншей, повторяющийся на германской стороне: заграждения, проволока, окопы, широкие зигзаги ходов сообщения и снова траншеи. Почти зеркальное отражение. Но между двумя армиями оставался зазор, от вида которого у майора и пересохло во рту. Зазор этот тянулся к северу и к югу, насколько хватало мощности бинокля. Местами там лежала просто черная полоса земли, на других участках еще цеплялись за жизнь покалеченные деревья и кусты.

Майор удивился, отметив, что эта полоса смерти не равномерной ширины. Вероятно, противники копали траншеи не по плану, а там, где оказалось удобнее, когда к концу 1914 года война перешла в позиционную. Поэтому спорная зона между союзниками и немцами то

расширялась, то сужалась, от чего передовые позиции оказывались то дальше друг от друга, то ближе.

Нейтральная полоса походила на прихотливые изгибы реки. Она уже стала чертой европейского ландшафта, змеей протянувшись на семьсот миль, от бельгийского побережья до границы Швейцарии. Только вместо воды в ее русле текло, билось в берега человеческое страдание, несчастье. Майор понял, что заглядывает в самое брюхо того зверя, который терзает и закапывает в землю Бельгии и Франции молодежь Империи. Вот он, дракон.

Теперь он видел систему в безумной затее с аэростатом. Замнач медслужбы позволял неофитам попробовать на вкус то, что им предстояло, а если кто надеялся повлиять на исход войны – усвоить масштаб того, с чем они столкнулись. И испытывал на прочность решимость старого врача, ветерана совсем другой войны – назойливого старика, которому бы наслаждаться пенсией, а не талдычить о новых методах лечения, спасительных для людей, зарывшихся в окопы на равнине внизу.

Донесся раскат артиллерии и – ближе – безумная трескотня пулемета. На севере встал султан грязного дыма, из ветвей прыснули вверх лесные голуби. Как видно, перерыв на завтрак завершился. Пора было кончать и экскурсию. Майор опустил бинокль.

– Простите, – сказал он и, протянув руку через плечо Слаттери, дернул веревку клапана. «Флори» зашипел, возмущенно свистнул, и майор нутром ощутил, как подъем сменился спуском.

Слаттери смотрел озадаченно.

– Я не закончил, сэр. Еще многое...

– Простите, лейтенант, но на сегодня с меня хватит, – возразил майор Джон Хэмиш Ватсон, военврач королевской армии. – Меня ждет работа.

2

Уже к утру они устроили всех новоприбывших в постели или хоть по углам и обеспечили их самым необходимым. Медики байольского госпиталя никогда не знали времени прибытия поездов, хотя до фронта была всего дюжина миль. В лучшем случае их предупреждали за час, а иногда и за десять минут. Этот состав пришел около двух ночи, за полчаса уведомив о прибытии двухсот раненых. К этой стадии эвакуации – к стационарному госпиталю – солдаты должны были пройти первичную обработку и получить первую помощь, но случалось, что передвижные лазареты у линии фронта не справлялись с наплывом, так что раненых спихивали дальше по цепочке почти сразу.

В данном случае явно произошло именно так, и надо было срезать с ног не снимавшиеся неделями сапоги, менять примитивные перевязки, промывать раны, ампутировать конечности. И спастись от вшей – избежать заражения оказывалось почти невозможно. Подхватить паразитов легко было даже при ампутации – пока ты возился с отрезанной ногой, серые твари норвили перебраться с мертвой плоти на живую.

Миссис Джорджина Грегсон сдала хлопчатобумажные комбинезоны с завязками на горле и запястьях – такие полагалось носить поверх одежды, обрабатывая завшивленных, – в прачечную. А вот поесть от усталости не сумела, только выпила горячей воды и напрямик отправилась в комнатку, которую делила с Элис Пиппери. Ее соседка по комнате уже легла: зазор между шторами позволял рассмотреть под одеялами холмик, похожий на могильный. Миссис Грегсон тихо закрыла дверь и стала раздеваться. Две койки, два шкафчика, один платяной шкаф на двоих, зеркало, табуретка и крошечная капризная печурка в углу – она выучила обстановку комнаты наизусть, и ей нетрудно было развязывать шнурки, скатывать с ног чулки и, снимая форму, раскладывать все по местам в ранних сумерках.

Она как раз разглаживала повешенный на плечики халат, когда услышала писк. Сначала решила, что мышь. Мыши кишмя кишели на нижних этажах госпиталя. Они, пожалуй, были не такими мерзкими, как пробиравшиеся иногда в палатки крысы, зато прогрызали все подряд в поисках крошек съестного. Не одна сиделка, забывшая в кармане печенье или шоколадку, лишилась нижних юбок и панталон.

Опять писк. Это пищала не мышь. Это была Элис.

Миссис Грегсон склонилась над ее койкой, тронула рукой одеяла. Они вздрагивали в знакомом ритме. Она сталкивалась с ним каждый день, а особенно – в ночные смены. Мужчины, которых она опекала, уже не стыдились такого проявления слабости.

Мисс Пипери плакала.

– Элис? – Миссис Грегсон откинула одеяло и легла рядом.

Элис потеснилась, перевернулась и обняла подругу. Та ласково ответила, стараясь не прижимать девушку слишком сильно. Ей всегда чудилось, что Элис можно раздавить одним неосторожным движением. Миссис Грегсон сквозь ночные сорочки чувствовала, как бьется сердце девушки – часто, как у испуганной мышки. Крестик Элис врезался ей в ключицу, но она не сдвигала его в сторону.

– Что с тобой, Элис?

Долгий дрожащий всхлип вместо ответа. У каждого выдавались такие дни. Дни, когда черная вода отчаяния смыкалась над головой. Удивительно, что их не случалось чаще. Миссис Грегсон погладила Элис по волосам. На ощупь – как солома. Она расчесала пальцами собственные рыжие кудри. Еще хуже. До следующей смены, решила она, они обе отправятся в баню и хоть криком, хоть скандалом вытребуют горячей воды, чтобы отмыться и убедиться, что не подхватили паразитов.

– Элис, что с тобой, милая?

– Матрона сказала, что меня пошлют... – голос у нее сорвался, – на кухню. Я не умею готовить, ты же знаешь, Джорджи.

– Знаю. Твою овсянку до сих пор вспоминают.

Ответом ей был то ли всхлип, то ли сдавленный смешок. Элис Пипери и вправду однажды приготовила овсянку, хуже которой не едала и Голдилок в гостях у трех медведей: не так-то просто было размешать кашу в огромном котле на «кухне Соьера», чтобы не приставало к стенкам.

– Что она сказала?

– Что в словаре волонтерской помощи¹ нет слов «не умею».

Обе они служили в отряде волонтерской помощи при Красном Кресте – а значит, располагались среди сестер и сиделок на низшей ступени. Да и до той не всегда дотягивались.

– Помнишь наш первый подъем? В Отерсли. Твой брат еще был на мотоцикле?

Элис кивнула ей в плечо.

– Ты тогда посмотрела на холм, такой крутой и скользкий, и что сказала?

Невнятное бормотание.

– Так что?

– Я не сумею.

– И на сколько ты поднялась?

– На треть.

– На треть! – победно подтвердила миссис Грегсон. – А я куда?

– На одну пятую.

– На одну пятую.

– Но ведь это только потому, что ты нагрузила мне задние колеса камнями, иначе под моим весом сцепления не хватало, да?

Миссис Грегсон усмехнулась, припомнив свою хитрость.

– Тактика!

– А меня тогда дисквалифицировали. – Элис легонько пихнула ее в плечо. – И мои родители называли тебя мошенницей.

– И лгуньей, – с гордостью добавила подруга. – Еще, помнится, упоминалось о «дурном влиянии».

Они полежали, обнявшись, обдумывая разговор.

– Я никогда так не считала, Джорджи, даже... даже после той поломки в Озерном краю, когда я чуть не схватила пневмонию. Если бы не ты, меня бы здесь не было.

– О да, не лежала бы ты, замерзшая и грязная, не расчесывала бы укусы вшей после месяцев недосыпа, самой рядовой из рядовых медкорпуса, сосланной чистить картошку во благо войны? Надеюсь, ты не забудешь меня в своих молитвах.

– Не забуду, Джорджи, – серьезно сказала Элис. – Ни за что не забуду.

Зря она дразнилась. Упустила на минуту из вида, что для Элис религия была совсем не шуточным делом.

– Ты о нем скучаешь? О мистере Грегсоне? – спросила наконец Элис, робко и осторожно подбирая слова. – В такие вот времена?

Миссис Грегсон приподнялась на локте.

– Что все-таки сегодня стряслось, Элис? Дело ведь не в кухне? И не в том, хорошо ли мистер Грегсон грел мне постель. Ну же – у всех что ни день сердце разрывается. Я на той неделе потеряла одного, кто мне очень нравился. Рядового Хорнби. Паренек из Ланкашира, говор такой, словно у него твоя каша во рту. Когда я кончала смену, был в порядке, а когда вернулась... – Она не договорила. Не хотелось вспоминать, в каком состоянии был мальчик.

– Он попросил, чтобы ему дали умереть, – выговорила Элис и спохватилась. Застыла. – Нет, не так. Просил меня убить его. Не такими словами, но имел в виду это.

Миссис Грегсон слышала такое не в первый раз. От испуганных мальчиков, изуродованных до неузнаваемости или понимающих, что умрут, как бы ни старались доктора. Ходили даже слухи, что кто-то из сиделок исполнял эти просьбы.

– И что ты ему сказала, Элис?

С громким скрипом отворилась дверь, в щель проснулась рука, повернула выключатель. Нехотя засветилась единственная лампочка без абажура.

Повернувшись взглянуть, кто их потревожил, миссис Грегсон не удержалась на матрасе и съехала на пол. Вскрикнула от удара:

– Боже! Прости, Элис, я хотела сказать – вот беда...

Наконец, подобрав ноги и подняв голову, она увидела Элизабет Челленджер, грозную матрону, стоявшую в дверях, подперши солидные бока.

– Пипери, Грегсон, чем это вы занимаетесь?

– Это я виновата, матрона... – начала мисс Пипери.

– Мне показалось, что у меня в постели мышь, – перебила миссис Грегсон. – Я так боюсь мышей!

Матрона усмехнулась, представив, как миссис Грегсон спасается от маленького пушистого зверька.

– Ну это уже не моя забота. Вам приказано поступить в распоряжение старшего военврача.

Теперь миссис Грегсон во все глаза уставилась на матрону. Села по стойке смирно.

– Куда?

Та покачала головой.

– Понятия не имею. Куда бы то ни было, но отправитесь вы с майором Ватсоном.

3

Сержант Джеффри Шипоботтом ударил кулаком по двери офицерского блиндажа. Дождался приглушенного приказа входить, отодвинул газонепроницаемый занавес и нырнул в темную глубину. Капитан с карандашом в руке сидел над бумагами за простым столом. Его джек-рассел-терьер Сэсил лежал у ног, подозрительно поглядывая на пришельца. Лейтенант Меткалф валялся на койке и курил, примостив на груди маленький томик стихов в кожаном переплете.

Шипоботтом, не поднимая головы, подошел к капитану и неуклюже отсалютовал. Блиндаж был хорош: бревна, стальные пластины и мешки с песком, – но перекрытия не позволяли выпрямиться даже человеку среднего роста. А Шипоботтом был далеко не среднего. Строили, видимо, для уэльсцев, как пошутил, занимая жильё, лейтенант Меткалф.

– Что у вас, сержант? – спросил капитан Робинсон де Гриффон.

Шипоботтом различил в его голосе колючее нетерпение, вовсе не свойственное капитану.

– Аэростат в воздухе, сэр.

Офицеры переглянулись, и Меткалф спустил ноги с койки. Аэростаты часто оказывались верными предвестниками артобстрела. А после обстрела начиналась атака на вражеские позиции.

– Сколько? – спросил де Гриффон.

– Один, сэр.

– Далеко?

– Не скажу, сэр. Не близко. И пока не больно-то высоко.

– Шипоботтом, – нетерпеливо заявил Меткалф, – одна ласточка весны не делает. И одинокий шар – еще не артобстрел.

Перед вступлением артиллерии обычно запускалось не меньше четырех, на несколько миль друг от друга.

– Да, сэр. Но люди, знаете, спрашивают. Вдруг вы слышали чего? – Он стрельнул глазами на полевой телефон. – Это ж меняет дело.

Де Гриффон разглядывал стоящего перед ним рослого солдата. Шипоботтом, как большинство рядовых полка, прежде работал на ткацкой фабрике в Ланкашире. Он был выше и крепче земляков, кроме разве что капрала Платта, а нос-картошка наводил на мысль, что бо́льшая часть его солдатского жалования не добиралась до родного дома.

– Сержант Шипоботтом, я скоро проведу смотр состава и оружия. Завтра, в полном снаряжении. После чего нас, насколько мне известно, отправят на заслуженный отдых. И я хочу, чтобы, видя нас на марше, люди спрашивали: «Кто эти справные ребята?» И чтоб им отвечали: «Парни из Ли».

– А если, – вклинился Меткалф, – кое-кто будет волочить ноги и бесчестить свой мундир, то не успеет размотать портянки, как получит полевое наказание номер один!

– Сэр... – поразился Шипоботтом.

Де Гриффон отмахнулся от него карандашом:

– Свободны. И еще, Шипоботтом, подвяжите этот газовый занавес – здесь дышать нечем.

Меткалф, уловив намек, встал и затушил сигарету. Когда Шипоботтом ушел, спросил:

– Еще чаю, сэр? Осталось немного сгущенного молока.

Де Гриффон кивнул и, дотянувшись, взъерошил шерсть собаке.

– Что такое с Шипоботтомом? Приплясывал, как на углях.

Меткалф почистил и затопил печурку.

– Он в Каире, перед отплытием, ходил к гадалке. Говорят, она нагадала ему недоброе.

Де Гриффон откинулся на стуле и заложил руки за голову. Светлые волосы топорщились между пальцами. Пора бы подстричься. Растут, как пшеница в летний полдень.

– Она, пожалуй, решила, что его пошлют в Галлиполи. Не нужно быть ясновидящим, чтобы предсказать, что ждет попавших туда солдат.

Они на волосок проскочили мимо перевода в этот ад.

– Впрочем, такое и здесь может случиться. Как и с каждым из нас.

Цинизм этих слов был так необычен для капитана, что Меткалф решился спросить:

– Надеюсь, вы меня извините, сэр, но все ли с вами в порядке? Вы как будто не в себе.

Голубые глаза де Гриффона посветлели, обратясь на него, и Меткалф подумал, не переступил ли черту. Да, оба они офицеры, но Меткалф кончал начальную школу в Манчестере и говорил не многим грамотнее Шипоботтома. Лейтенант числился джентльменом – и ему следовало вести себя соответственно – пока идет война, но все знали, что его место среди благородных – временное. А вот капитан был голубых кровей.

Стул, стукнув, встал на все четыре ножки, и де Гриффон поднялся, в последний момент вспомнив, что надо пригнуться.

– Право? Я был резок с Шипоботтомом? Должен сказать, что не стал бы угрожать наказанием.

Меткалф неловко заерзал.

– Простите, сэр. Я просто поддерживал вас. Если позволил себе лишнее...

– Не суетитесь, – перебил капитан. – Вы ведь знаете моих родных, Меткалф?

– Лично не знаком, сэр.

– Да, конечно...

Родители Меткалфа держали большие хозяйственные магазины в Ли, Престоне и Салфорде. Они снабжали де Гриффонов товарами, но не были вхожи в их общество. Хотя здесь, напомнил себе Меткалф, они чаевничают почти как равные. Родители пришли бы в восторг.

– Не угостите ли папироской? – попросил де Гриффон и, взяв у Меткалфа сигарету, прикурил от керосиновой лампы. Прошел к двери, выдохнув уголком губ, выпустил дым в резервную траншею.

Черная копоть ламповых фитилей, постоянное курение, не говоря уж о вони крысиной мочи и кислого запаха немытых тел, превращали атмосферу блиндажа в душливый смрад. Де Гриффон не видел причин его усугублять.

Рысцой подбежал Сэсил, шлепнулся на пол под ногами. Капитан дружески толкнул его носком сапога, и пес принялся обрабатывать сапожную кожу зубами и когтями.

– Знаете, Берти... принц Уэльский как-то назвал мою мать «профессиональной красавицей». Королева Виктория находила ее взбалмошной, потому что мать, когда ей приходил такой каприз, вместе с мужчинами охотилась в Сандрингхэме. Тот еще характер у моей матушки. Она только недавно забросила стрельбу. Флитчем, где я вырос, был когда-то охотничьим поместьем наравне с Холкэмом, Малденом и Квиденхемом. Не бывали там?

– Нет, сэр.

Семья Меткалфов была не из тех, что заходят во дворцы вроде Флитчема с парадного входа.

Де Гриффон попыхивал сигаретой. Детские воспоминания смягчили его лицо, стерли подаренные войной морщины. Сейчас капитан выглядел так, как должен был, по мнению Меткалфа, выглядеть в мирное время: благовоспитанный молодой человек, хорош собой и уверен в привилегиях на поколения вперед.

– Диск на тысячи две в день был обычным делом для ноября, – продолжал капитан. – Когда гостили Ральф Пэйн Галлуэй или лорд Вальсингэм, бывало и вдвое больше. В Альбионе у нас стояла прекрасная охотничья барка. Как сейчас помню плетеные корзины с шампанским

для стрелков и имбирным пивом для загонщиков в лесу Шеллингом. Но года два назад все переменялось. Фазанятник опустел, браконьеры хозяйничают, как у себя дома.

Меткалф, впервые слышавший от капитана столь личные воспоминания, помалкивал, наполняя водой металлический чайник. Он не представлял, как положено отвечать на подобные излияния. Поддакивать, сочувственно хмыкать или просто молчать? Последний вариант представлялся самым безопасным.

– Отец заболел. Ужасная, страшная болезнь. Таял на глазах. Нам повезло, что его шофер, Гарри Ледж, был ему так предан. Каждые четыре часа переворачивал, чтобы не появились пролежни. Днем и ночью. Настоящая, подлинная верность. Каждые два дня ездил в город за доктором Кибблом и еще отвозил его обратно. Три раза в день кормил отца – а это было непросто. Мы с ужасом ждали, что Ледж уйдет добровольцем или попадет под призыв. Мы даже терпели его амурные приключения с горничными и кухаркой. Потом отец умер. Это стало для нас облегчением. Он под конец и говорить не мог. Но трауром моей матери могла бы гордиться и королева Виктория. Ледж, бедняга, напился пьян и разбил машину – он теперь не годен к службе. Ужасно хромает. Старший брат уже был в армии. Я решил завербоваться, чтобы наверняка послали сюда, к Парням из Ли. С этим батальоном я хоть как-то связан.

На этом месте Меткалф решился кивнуть, потому что кое-что знал. Хоть де Гриффоны и владели несколькими большими текстильными фабриками в ланкаширском Ли, лорд Стэнвуд был небрежным хозяином и жил большей частью во Флитчеме – глостерском поместье. С тех пор как перенес в 1890-х годах несколько ударов, он передоверил свои фабрики деловитым управляющим. Робинсон де Гриффон сам признавался, что был чужим в городке, давшем его семье такое богатство.

– И вот – сегодня утром... – Капитан взял со стола листок с морщинами сгибов и протянул Меткалфу: – Прошу вас.

Меткалф, хоть и польщен был доверием, медлил принять лист. Едва ли письмо содержало хорошие вести.

– Это оригинал. Мать переслала. Ну же, читайте.

«Дорогая леди Стэнвуд, вам, конечно, уже передали телеграммой или по телефону печальное известие, но полагаю, вы желали бы знать подробности. Я с большим прискорбием сообщаю, что ваш сын ст. лт. Чарльз де Гриффон, № 677757 нашего полка, погиб в бою в ночь на 31-е. Смерть была мгновенной и без мучений. Он участвовал в атаке на вражеские позиции на возвышенности. Атака была успешной, все батареи захвачены, и мы заняли новые позиции на вражеской территории. Однако в ту же ночь враг ответил тяжелым артобстрелом. Прямое попадание в окоп вашего сына. В настоящий момент непрерывные боевые действия не позволяют вывезти останки, и он лежит в солдатской могиле на месте гибели. Я уверен, что вам послужит некоторым утешением весть, что он представлен к награде за отвагу – в ночной атаке он возглавил свой взвод. Командование и весь полк глубоко соболезнают вашей потере. Ваш сын всегда исполнял свой долг и погиб за свою страну. Все мы чтим его память и надеемся, что это вас отчасти утешит. Его имущество отправлено вам должным порядком. С искренним сочувствием, капитан Р. Э. Марч».

– Чай вскипел? – спросил де Гриффон, вкручивая сигарету в медную пепельницу из снарядной гильзы.

– Сэр... – Меткалф все не мог поднять глаз от письма. Только через несколько секунд до него дошло, что, кроме привычной семейной трагедии, оно подразумевает. – *Соболезную, сэр. Но ведь смерть вашего брата означает, что вы теперь...*

– *Да, Меткалф. Чертовски верно. Раз Чарли мертв, я теперь лорд Стэнвуд.*

Шипоботтом, покинув офицерский блиндаж, отправился прямо к убежищу, выкопанному в стороне от траншей и отгороженному старыми непромокаемыми накидками и облом-

ками снаряженных ящичков. Там сидел капрал Платт – ростом еще выше Шипоботтома, и Тагман, а также рядовой Фаррер и сын полка – Моултон. Все росли на соседних улицах, все дома, в Ли, работали на фабрике, все ушли в армию чуть ли не в один день и проходили учебу в Уэльсе, Каттерике и в Египте, в одном взводе. Батальон не зря называли Парнями из Ли.

Все, сверля взглядами жестяной котелок на парафиновой печурке, ждали, пока закипит вода. Все курили, отложив винтовки и противогазы, сняв каски. После часов и дней на линии огня здесь, на второй линии, понемногу расслабывалось напряжение, от которого нервы звенели как струны. Вот почему их всполошил вид поднимающегося аэростата: если предполагалась атака, взвод вместо отдыха в тылу могли снова послать вперед, в подкрепление, а то и на передовую. Все знали, что так бывало не раз: отдых маячил, как морковка перед носом, и в последний момент отдергивался. Штабные умеют помучить солдат.

– Что говорит кап, Шиппи? – спросил Платт, протянув ему папиросу.

Шипоботтом присел на корточки, почти загородив свет из отдушины, и принял угощение.

– А, ничего не говорит, – не скрывая облегчения, ответил он. – Шар ничего не значит. Все идет как идет. Завтра уходим на ротацию, хотя Меткалф, если его послушать, с нас не слезет. Но скоро выспимся на шелковых простынях. Или хоть на вонючей соломе.

Все засмеялись.

– Красавчик Меткалф, ручаюсь, и спать будет в шелку, и пить шампанское, – хмыкнул Тагман. – И найдет илюшку, чтоб растормошила его старикашку, пока мы, если повезет, будем закусывать чаек галетами с девочками из вспомогательного.

– Это ты брось, – фыркнул Фаррер. – Он офицер.

– Офицер? Таскает паршивую тросточку и поддельвается под благородного? – усмехнулся Тагман. – Я у него покупал на пенни гвоздей в лавочке на Кроуфорд. А его старик отказал моему папаше в кредите, когда тот латал дырявую крышу, которую домохозяин чинить отказался. А тут он весь такой возвышенный...

Моултон изобразил игру на скрипочке и вскрикнул, получив от Тагмана оплеуху.

– Ого, – велел Шипоботтом, – вы это бросьте сейчас же. Капрал Тагман, извинись.

Капрал угрюмо повиновался.

– А я вам скажу: Меткалф из тех офицеров, что не ведут, а подгоняют, – процедил он. – Спорим, он трусоват?

– Он из наших, земляк, – возразил Шипоботтом, гадая, много ли в этом заслуги в глазах Тагмана. – Оставь его в покое. Я и тебя не раз видал в мокрых штанах.

Тагман угрожающе уставился на сержанта. Шипоботтом в ответ злобно ухмыльнулся. Огромный нос придавал ему сходство со свихнувшимся Панчем из ящичка кукольника.

– Хочешь мне врезать, капрал? Попробуй и посмотри, что выйдет.

– Я хоть не шарахаюсь от собственной тени, с тех пор как паршивая цыганка погадала мне по ладони.

Шипоботтом перестал улыбаться и наставил на Тагмана указательный палец.

– Ну вот! – громко произнес Платт. Вода в котелке закипела ключом, и он стал сыпать в нее чайную труху. Потом добавил горсть сахара и помешал. – Вы потише, парни, – посоветовал он. – Все, понятно, на нервах, ведь почти выбрались. Ожидание-то труднее всего, так? Вот как при погрузке на корабль в Александрии под ее проклятуцим солнцем. Паршиво мне было, под конец уж думал: скорее бы на борт, а там пусть хоть потопят. Лучшие торпеды, чем потеть и кормить мух на причале. И вот мы надеемся, что нас выведут из этого нужника, прежде чем кто-то решит, будто настало время для Большого Рывка, или там немцам вздумается испытать на нас новые минометы. Прямо как тогда. Так что прикусите язычки, все мы в одной лодке.

– Это надо ж, Берни, за десять лет от тебя столько слов не слышал! – удивился Фаррер.

Тагман с Шипоботтомом усмехнулись, и атмосфера разрядилась.

Платт разлил чай в пять жестяных кружек через самодельное ситечко из проволоки и муслина, чтобы использовать заварку по второму разу.

– Давайте-ка поскорей, – посоветовал Шипоботтом, припомнив слова де Гриффона. –

Нас еще проверка ждет. Завтра, в полном снаряжении.

– Тогда, Джозеф, – обратился Платт к Тагману, – пошли, поищем тебе персональную шлюху.

Фаррер расхохотался.

– И полсотни парней вдобавок. Говорят, он любит, когда на него за этим делом смотрят.

В укрытии снова заметно похолодало, Тагман сжал кулаки. Моултон, по молодости не понявший, о чем речь, недоуменно разглядывал мужчин.

– А у тебя чирей на жопе еще не сошел? – осведомился Тагман. – Светил как маяк, пока ты ту французенку нажаривал. За квартал было видно. И у старика твоего жопы пятнистая...

Фаррер напрягся, готовясь броситься на Тагмана.

– Ты что сказал?

Шипоботтом выпрямился, хоть и не в полный рост. Снайперов на линии резерва можно было не опасаться, но привычку лучше не терять. Не то рискуешь забиться где не надо.

– Следующий, кто скажет слово, получит в зад мой сапог. Тринадцатого размера. Вытаскивать будут лебедкой. Дошло? Фаррер? Тагман? Так. Прикусите языки. Проверка, – напомнил он. – Составы и оружия. И постараемся выбраться отсюда целыми.

Понедельник

4

– Вижу, вы побывали в Вест-Индии, сестра Дженнингс?

Молоденькая младшая сестра, разбиравшая наборы для переливания крови, замерла и уставилась на майора медслужбы.

– Простите?

– А семья ваша занималась сахаром.

Она недоверчиво хихикнула и подбоченилась. Округлившись глаза показались слишком большими для тонкого личика.

– Как же это вы узнали?

– Салонный фокус, – улыбнулся майор. – Извините.

– И все-таки откуда вы узнали о прошлом моей семьи, майор Ватсон? – Она замолчала, когда раздался низкий рокот – словно с далеких гор накатывала гроза. Склонив голову к плечу, сестра прислушалась. Темный завиток волос выбился из-под косынки, она рассеянно подоткнула его на место. – Орудия. Не наши. Вы скоро научитесь различать.

Ватсон нахмурился – блестящие никелем инструменты на складном столике задрезжали в стальной лоханке.

– Не беспокойтесь, – продолжала сестра. – На такое расстояние достает только тяжелая артиллерия, а она больше бьет по городам и штабам. Не станут они тратить снаряды на эвакуогоспиталь.

Сортировочно-эвакуационный госпиталь располагался в полумиле от узловой, и добираться к нему приходилось на особых вагонетках, двигавшихся по подвесной дороге. С этих тележек раненых перегружали в обычные госпитальные вагоны.

– Я спокоен, – возразил Ватсон, – но мне нужно провести демонстрацию и сохранить образцы. Меня уверили, что здесь тихий участок.

– Тихий, – терпеливо объяснила сестра, – это когда меньше ста пострадавших за месяц. Полной безопасности нигде не бывает. Обстрел любого участка может начаться в любую минуту.

Ватсон, будучи более или менее новичком на фронте – с подъема на аэростате не прошло и недели, – уже знал, что значит обстрел. Будут раненые. Потери. Полевые лазареты всегда работали парами, и этот, обслуживающий части из Восточной Англии, несколько дней не пополнялся – ему давали время разобраться с прежними поступлениями, – а дежурил пока второй. Но, если тот переполнится, восточно-английский снова введут в дело.

– И у нас не было «уроков ненависти» от врага, пока... до той глупости дня три-четыре назад... – Она запнулась. Сестрам не полагалось касаться вопросов вне клинических дел, да и тех только с особого разрешения.

– Глупости?..

– Пустое, майор. – Дженнингс поспешно занялась делом. Поджала губы, браня себя за бестактность. – Через несколько дней сюда проведут электричество. Давно пора.

Она оглядела коробки и взяла в руки «ледник» – ящичек из дерева и оцинкованной жести со стороны около двадцати четырех дюймов. Майор заплатил за него шестьдесят шиллингов собственных денег из армейского жалованья.

– Что вы будете с ним делать? – спросила сестра, опуская ящичек на дно палатки.

– Заполненный ледяной водой, он используется для хранения цитратной крови.

Дженнингс ответила непонимающим взглядом. Ее серое платье с алой каймой говорило майору, что девушка, как и большинство сестер в этом палаточном лазарете, расположившемся на территории монастыря, принадлежит к сестринской службе территориалов. Скорее всего, они не следили за последними новостями науки и не знали о методе сохранения несвертывающейся человеческой крови на протяжении нескольких суток. Майор уже понял, что мало кто на передовой – будь то территориалы, резервисты, работники службы королевы Александры или врачи – находил время почитать выпуски «Британского медицинского журнала». Его задачей – признанной после настойчивой переписки с армейской медслужбой и после проклятого полета – было внедрять новый метод в госпиталях и лазаретах.

Смешно подумать, как его не хотели сюда пускать. Не считая колена, похрустывавшего и поскрипывавшего ахиллесовым сухожилием после долгих прогулок, он почти ничем не уступал молодому врачу, каким был до ранения в битве при Майванде в Афганистане. Хотя талия, надо признать, у него тогда была стройнее.

– Осторожнее с раствором, сестра, – предупредил Ватсон, когда та развернула стеклянный цилиндр, упакованный в кокон из жатого картона и газеты. – Это наш секретный ингредиент. Дайте, пожалуйста, сюда.

Снова зарокотало, и майор в первый раз ощутил дрожь, пробившуюся к подошвам сквозь деревянный настил пола. Полотнища палатки заколебались, растяжки с одной стороны натянулись, по крыше прошла беспокойная рябь.

– Это уже ближе, – нахмурилась Дженнингс, и тут клапан входа хлопнул развернувшимся бичом. В открывшемся проеме показалась старшая сестра, багровая, как ее косынка, – знак законной принадлежности к корпусу армейской медслужбы королевы Александры. Две красные нашивки на рукаве указывали ее ранг в этой службе. Гром германских орудий мгновенно затерялся за оглушительным воплем:

– Майор Ватсон!

Тот бережно отложил на стол драгоценный флакон с раствором натрия цитрата и только потом повернулся к ней:

– Сестра? Чем могу быть полезен?

– Как это понимать?

Она шире распахнула клапан палатки, открыв двух его волонтерок с медицинскими наборами в руках и возвышавшегося над ними на добрый фут Бриндла – назначенного ему шофером, вестовым и ординарцем. Длинная скорбная физиономия Бриндла была еще мрачнее обычного. Он двумя большими шагами приблизился к палатке.

– Опыт показывает, что в военное время передвигаться с одним набором инструментов несколько рискованно, сестра, – терпеливо пояснил Ватсон. – Я всегда беру запасной.

Теперь цвет щек старшей сестры полностью соответствовал цвету головного убора. Она замахала свернутым в трубочку листком розовой бумаги на двух женщин, так и не поставивших тяжелые врачебные чемоданчики, – ткнула в них свертком, как коротким мечом.

– Меня не интересует опыт ваших путешествий, майор, – прорычала она. – Вы привезли в мой госпиталь ОВП! ОВП!

В ее устах «Отряд волонтерской помощи» звучал как название опасных паразитов. Кроме того, госпиталь был, строго говоря, не ее, а майора Торранса. Но тот находился сейчас в Азбруке, на совещании армейских специалистов по газовой войне.

– В байольском госпитале, – хладнокровно сообщил майор, – я попросил помощников для поездки в ваш СЭГ и в полевые лазареты. Старший военврач предложил мне сестру Грегсон и...

– Вы отлично знаете, майор Ватсон, что они – не сестры! Не та квалификация. Они – младший медперсонал. Санитарки! И сама старшая матрона запретила ОВП работать так близко к передовой...

Прозвучал коротко и резко еще один взрыв, и все головы повернулись на звук. Взорвалась миссис Грегсон, старшая из волонтерок. Ее спутница, мисс Пиппери – крошечное создание, почти девочка на вид, чуть попятилась от подруги, словно от бомбы с часовым механизмом.

Миссис Грегсон, согнувшись пополам, поставила саквояж и, перешагнув его, оказалась лицом к лицу со старшей сестрой.

Миссис Грегсон с ярко-зелеными глазами и огненно-рыжими волосами под сестринской косынкой, на взгляд Ватсона, было около тридцати. Старшая сестра, пожалуй, двумя десятками лет старше, выглядела тощей, как трубочист. Годы на начальственном посту превратили ее рот в узкую щель. Сейчас губы сжались еще плотнее – словно разрез от бритвы на бледном лице.

Миссис Грегсон заговорила тихо, но ядовито:

– Я, сестра, может быть, не обладаю вашей квалификацией, но нахожусь здесь больше двух лет. Я вела пункт первой помощи, когда нам еще доставались в худшем случае вывихи лодыжек от попытки маршировать в сапогах по французским и бельгийским бульжным мостовым. Я водила машины летучей медицинской бригады Макмердо *под Монсом*. Слышали, может быть, о таком? Я лечила окопную стопу, венерические болезни, завшивленность и фурункулы размером с макаронину на мужских ягодицах. Я запихивала на место внутренности и держала за руку мальчиков, звавших маму от боли, и взрослых мужчин, плачущих от страха, что их снова пошлют в окопы. Я таскала в яму с известью оторванные руки и ноги, говорила рядовому, что он ослеп навсегда, смотрела, как захлебываются собственной мокротой отравленные газом, неделями не могла избавиться от запаха газовой гангрены. Я показывала хорошеньким невестам, что сотворил германский огнемет с лицами их красавцев-суженых. А потом раздавала письма, сообщавшие, что у них больше нет невест. Я гноя насмотрелась на всю жизнь, сестра, и навсегда погубила руки карболкой и лизолом, потому что, конечно, резиновые перчатки только для *сестер*. И я, честное слово, не сомневаюсь, что заслужила право идти туда, где, по мнению понимающих людей, от меня больше пользы. И, что бы ни думала ваша матрона, я считаю, что майор Ватсон своим новым методом переливания крови спасет жизни многих, кто прежде умер бы от потери жидкости и переохлаждения. – Она наконец перевела дыхание. – Конечно, я не сестра и не претендую. Я – ОВП и горжусь этим.

Миссис Грегсон ни разу не повысила голоса, но речь ее, как приведенный в движение маховик, с каждым словом набирала обороты и силу. Ватсон хотел возразить, указать, что, строго говоря, это не *его новый метод переливания*, но решил не *встревать*. *С тем же успехом можно было бы разнимать сиамских бойцовых рыбок.*

В хрупком молчании, спустившемся на палатку, еще громче и ближе звучали раскаты орудий.

Сестра неторопливо подбирала слова для ответа. Яркий румянец сошел с ее щек, но свернутый в трубку листок она стиснула так, будто взяла за горло миссис Грегсон.

– Я не пытаюсь принизить вашу службу. Но ведь то же делала едва ли не каждая из нас. Верно, младшая сестра Дженнингс?

– Да, сестра, – потупившись, тихо отозвалась та. – Хотя я не умею водить...

Но старшая сестра уже снова обратилась к волонтерке:

– Вы будете помогать майору Ватсону в его, несомненно, важной работе и, как я полагаю, уедете с ним, когда он продемонстрирует нам свою чудо-методику. Но я не желаю видеть вас в смотровых, предоперационных и сортировочных. А также в офицерских палатах главного здания. Вы только смутите раненых. Я не собираюсь внушать им мысль, что они получают... – Она помедлила секунду и улыбнулась, прежде чем нанести удар: – Второсортную помощь.

Младшая сестра Дженнингс тихо ахнула.

От ответа миссис Грегсон удержал стрекот мотоцикла – подъехал рассылный. Остановив свою машину, он сдвинул на грязный лоб очки и выкрикнул слово, которого Ватсон не понял:

– Пэбээр!

– А как же эвакогоспиталь Плаг-стрит? – возразила сестра, махнув рукой на юг. – У нас половина состава в отпусках.

Мотоциклист пожал плечами:

– Их разбомбили. С самолета. Прямые попадания. Бомбы небольшие, зато вроде бы много их.

Сестра содрогнулась, представив, как осколки хотя бы и самой малой бомбы разлетаются по палаточному лазарету, как мало защиты дают полотняные стенки.

– Потери?

– Надо думать.

Сестра щелкнула пальцами, обращаясь к Дженнингс:

– Я пошла в главное за хирургами. А вы собирайте сестер. – Она обернулась к Бриндлу: – Не могли бы вы помочь на приемке?

И наконец она вспомнила о волонтерках:

– А вы, девушки, пожалуйста, постарайтесь по возможности не путаться под ногами.

Когда их оставили одних, миссис Грегсон приподняла длинный подол платья и трижды топнула по дощатому полу, сопровождая каждый гулкий удар криком ярости.

– Сестра Грегсон, я хочу извиниться за сестру... – начал Ватсон.

– Нет-нет, не называйте меня сестрой! Я не сестра, и я... – Она скривила губы: – Я ей никакая не «девушка». Миссис Грегсон будет в самый раз. Я не первый раз сталкиваюсь с такими, как она, майор. Хотя эта – редкий образчик!

– Полагаю, что есть смягчающие обстоятельства...

– Я, майор Ватсон, едва увидев вас с вашими трубками и шприцами, поняла, что вы джентльмен. Я не жду, чтобы вы приняли чью-то сторону. Вражда между волонтерским и александровским тянется чуть ли не с начала военных действий. – Она сделала несколько глубоких вдохов, взяла себя в руки. – Мы займемся распаковкой, майор. Вам для начала надо будет попасть на сортировку. К тому времени, как вы закончите там, мы все подготовим к переливанию.

Майор спросил о том, что привело его в недоумение:

– Почему посыльный сказал: «Пэбээр»?

– ПБР, – поправила мисс Пиппери, выделяя каждую букву. Голос ее после перепалки двух властных женщин показался слабым и робким. – Ранения, которым отдается приоритет на перевязочном пункте. Проникающие брюшные ранения. Вы их, кажется, называете КТ – кишечные травмы.

Майор кивнул. Новое оружие, такое как шрапнель, требовало новой терминологии. «И новой медицины», – напомнил он себе.

– А это значит, майор Ватсон, – заключила миссис Грегсон, – что ваша чудесная кровь потребуется раньше, чем вы думали.

5

*Этот томми так и не узнал, как ему повезло. Он мелькнул всего на долю секунды: чумазое тощее лицо, на котором Блох в прицел различил выступающие почерневшие зубы. Солдат решил выглянуть за бруствер из мешков с песком, проверить – все ли тихо на ничьей земле позади витков колючей проволоки. В эту секунду, за время одного удара сердца, унтер-офицеру *шарфшутце* Блоху надо было решить, стоит ли этот томми дорогостоящего патрона*

и риска обнаружить укрытие. Волоски прицела скрестились прямо на его лице, на переносице. Блох чувствовал, как напрягся рядом, предвкушая выстрел, его наводчик ефрейтор Шеффер. Но соблазнительная мишень уже скрылась за бруствером.

«Дождись офицера или специалиста. Выстрел должен окупаться».

Это мантра снайпера. Тот томми был рядовым, к тому же новичком – фуражка еще не обмялась на проволочном каркасе. Старые окопники вынимали проволоку, чтобы туляя приминалась и меньше привлекала внимание стрелков. Впрочем, в последнее время Блох замечал все больше стальных касок Броди. Все равно – от его выстрелов эти каски не спасали.

Блох чуть повернул голову и, найдя взглядом трубку, насосал в рот воды – подержал под языком, прежде чем проглотить. Глаз его не отрывался от прицела отцовской охотничьей винтовки «маузер». Они заняли позицию до рассвета – засели в одной из сотен изрытых земля воронок между линиями окопов. Эта отличалась тем, что оказалась рядом с комлем дерева, вывернутого и расщепленного взрывом. Остатки корневой системы обеспечивали снайперу идеальное укрытие.

Оба лежали под камуфляжной сеткой, вымазав лица, волосы и кисти рук грязью, и походили на первобытных тварей, вылепленных из смертоносной земли Фландрии. Блох игнорировал холодную сырость, сочившуюся от земли, нервный пот, липкую вонь мертвечины и мелкую ледяную морось, сыпавшуюся с унылых туч, затянувших всю Северную Европу. Бывает хуже – напоминал он себе. Летом в воздухе полчища жирных мух, а от трупного смрада выворачивает даже крыс.

Дальше к северу ничья земля была разворочена непрерывными обстрелами в мерзкую жидкую грязь, но здесь, на более спокойном участке, еще виднелись следы довоенной сельской жизни. Неподалеку стояли фермы и амбары – правда, уже без черепичных крыши, без выдранных на дрова деревянных балок. Среди обглоданных крысами и обклеванных воронами солдатских скелетов попадались лошадиные трупы и туши скотины, пасшейся здесь в мирные времена.

За спиной Блоха начиналось свекольное поле – из-под земли прорастали стебли и пучки листьев, обеспечивавшие дополнительное укрытие, когда снайпер занимал позицию в растущем предутреннем свете. Кое-где он замечал ржавый лемех или валец, брошенные захваченными войной фермерами. Прежде здесь лежали плодородные поля: их возделывали еще отцы и деды местных крестьян. С трудом верилось, что те простодушные времена могут вернуться. Шрамы на земле Фландрии, конечно, останутся на поколения вперед.

Блоху, несмотря на долгие часы в неудобной позиции, нравилась работа снайпера. Недели тоски в окопах и траншеях, где весь мир ужимается до полоски неба над головой, были не по нему. «Шарфицтце» принадлежали к элите, свободно передвигались вдоль линии фронта, добавляя новых зарубок на прикладе винтовки – зачастую той самой, из которой стреляли на охоте в мирные дни. Для него, как и для фландрских крестьян, ремесло было семейной традицией: Jager – охотником – был и отец, и дед Блоха.

– На одиннадцать минут влево, – услышал он шепот Шеффера, подавшего голос впервые за час.

Блох плавно повел винтовкой. За ржавыми витками проволоки провалились два метра британского бруствера – просыпались внутрь плохо завязанные мешки с песком. Блоху видны были руки, торопливо заделывающие брешь. Он представил, как солдаты, стоя на стрелковой приступке, горбятся по-обезьяньи, стараясь укрыться от взглядов противника. Это давалось нелегко – британцы откапывали до слез мелкие окопы. Для снайпера – манна небесная.

– Офицер!

Блох уже видел сам – заметил длинный мундир и португепю «Сэм Браун», зажатую под мышкой трость и решил, что добыча стоит выстрела. Звук едва не оглушил его, но Блох знал, что тем, в траншеях, трудно распознать, откуда стреляли. Не было ни дымка, ни яркой дульной

вспышки – он сам изобрел эти патроны для охоты на кабана. Смазанный затвор «маузера» загнал в ствол новый патрон.

Заново наводя прицел Герца, Блох слышал хриплые крики: звали – скорей, скорей! – санитаров с носилками. Над окопом высунулся, как пугливый кролик из норки, перископ – высматривали позицию снайпера. Какой-то идиот в стальной каске высунул и голову. Будь у него такое желание, на прикладе появилась бы вторая за день зарубка. Но Блох не стал стрелять. Теперь надо было затаиться, лежать так же тихо, как прежде, до выстрела, лишившего врага головы. Скоро покажется самолет-разведчик, попытается их отыскать. Или в сумерках из окопов выйдет группа с приказом выкурить их из укрытия – томми теперь завели противоснайперскую группу, особую часть, выслеживавшую и убивавшую таких, как он.

Над головой завывало-засвистело, затем грохнул разрыв 77-миллиметрового снаряда. В нескольких сотнях метров впереди, между линиями британских окопов, встал столб выброшенной взрывом земли. Начиная дневной обстрел – как всегда на одном из участков фронта, ровно в час дня. Генерала фон Клака британцы за пунктуальность прозвали «генералом Тик-таком».

Второй снаряд выблевал в небо еще один фонтан земли – на миг он застыл гигантским дубом из почвы и обрывков плоти, потом обрушился в дыму и пыли. Следующие распускались чернильно-черными цветами. Шрапнель. Потом вступили короткие резкие удары минометов, к ним присоединился пронзительный свист гаубичных снарядов. Земля содрогалась все заметнее по мере того, как в дело вступали тяжелые батареи.

Часть снарядов падала на ничейной полосе, обдавая снайперов мелкой пылью. Над окопами протянулся густой рукотворный туман, видимость снизилась. Земля под стрелками осыпалась, словно под ними шевелился, пробуждаясь, огромный зверь. Внутренности вибрировали, стук зубов отдавался в черепах. Скоро грохот поглотит их, подтачивая рассудок.

Блох перекатился на бок.

– Давай к дому, Шеффер. Никто там головы не поднимет, пока такое творится.

Он громко кричал, но Шефферу все равно приходилось угадывать слова по губам. В этом деле они наловчились.

Молодого наводчика не пришлось уговаривать. Минуту спустя оба, пригибаясь, неслись через свекольное поле. Один офицер, маловато на день. Ничего, подумал Блох за миг до того, как грохот и крики вывели из головы все мысли, – и завтра будет день.

6

Из предварительного инструктажа в Миллбанке Ватсон знал, что медицинская служба британской королевской армии, учась на опыте и кровавых ошибках, создала беспощадно эффективную систему обработки сотен тысяч раненых, поступавших с каждого места боевых действий. Прежде всего, раненый с передовой, на носилках или своим ходом, поступал на пункт первой помощи своей части. На этих форпостах трудились фельдшер и три-четыре санитары. Легкие ранения обрабатывались на месте.

С более тяжелыми повреждениями несли на носилках, отправляли пешком или везли к перевязочным, расположенным обычно в подвале или крестьянском доме. Там одних латали и посылали обратно в часть, другим позволяли переночевать, кормили и поили. С серьезными ранениями отправляли дальше повозками или машинами – на главный перевязочный пункт, где можно было провести срочные операции.

Наконец, самых тяжелых санитарные автомобили доставляли к палаткам и баракам эвакогоспиталей, где врачи и сестры подготавливали их к эвакуации – поездами или баржами – в основные госпитали. Там уже лечили по всем правилам, и оттуда самых удачливых отправляли домой.

На бумаге эта система выглядела вполне отработанной. То, что видел Ватсон у приемной палатки, не производило впечатления отточенной эффективности.

Побитые грузовики один за другим выныривали из неестественного полупрозрачного тумана, затянувшего местность. Они задерживались ровно настолько, чтобы санитары подхватили носилки или помогли выйти ходячим раненым, затем разворачивались и вливались в обратный поток. Разгрузочная площадка быстро наполнилась рядами носилок, уже выдававшимся за ее пределы. Люди на них большей частью были наспех перевязаны на передовых постах, некоторым на конечности наложили шины Томаса.

Группы ходячих, перемазанных кровью, желтой глиной и черной землей, рассаживались в сторонке, разложив рядом винтовки и ранцы, которые сумели сохранить при себе. Ватсон всегда дивился, сколько груза должен таскать современный томми – девяносто фунтов, спину сломаешь. Промокшие плащ-палатки в такую погоду добавляли еще шестьдесят. Еще тяжелее были пулеметы Льюиса и боеприпасы к ним.

Все, кто был в состоянии, курили, и дымки дешевых «Вудбайнов» и «Голд флейков» смешивались с бензиновым чадом, повисшим над площадкой. Кое-кто, наклонившись, вкладывал папиросу в губы лежащего товарища, давал ему затянуться, и раненый благодарно поднимал большой палец. Жутким казалось молчание: никто не разговаривал, не кричал. Как будто все здесь лишились дара речи и даже голоса и только и могли, что дымить папиросами, словно от них зависела хрупкая жизнь. Рассматривая людей, Ватсон встречался со взглядами солдат из-под опущенных от усталости или контузии век. Санитары переходили от одного к другому, собирая винтовки и гранаты Миллса, чтобы перенести их на оружейный склад. Кое-кто спорил, не желая расставаться с «удачливой» винтовкой или штыком-талисманом. Санитары объясняли, что спать с ними в госпитальной палатке никак нельзя. Кое-кто прилеплял к оружию ярлык, надеясь потом вернуть свое имущество.

А санитарные машины все подъезжали, скрежеща передачей, качаясь и буксуя в грязных колеях. Среди них попадались новые «вокхоллы» и «хамберы» – зачастую с названием организации или частного лица, финансировавшего поставку, – но бо́льшая часть была из первого поколения санитарной техники: шасси грузовика с переделанным кузовом. Попадались и конные телеги, нагруженные вместо сена, турнепса или картошки носилками.

«И это спокойный участок фронта, – думал Ватсон. – Что же тогда...»

– Майор Ватсон!

Младшая сестра Дженнингс махала ему из-под откинутого борта сортировочной палатки, где носилки устанавливали на разборные столы и оценивали тяжесть ранения, прежде чем отправить раненого в соответствующее отделение, а иногда и в мертвецкую.

– Да, чем могу помочь? – поспешил к ней Ватсон.

– Вот, там...

Он шагнул в палатку: в миазмы застарелого пота, едких химикалий и свежей крови. Звучали отрывистые приказы – распоряжался мужчина в белом халате, под которым, кажется, просматривался костюм для гольфа. Ватсону почудился американский или канадский акцент.

– Сортировочная! Этому – морфин! Где его бирка? Что значит – отвалилась? Работаем! Хирурги на месте? Этого готовить к операции. Сейчас же. Младшая сестра – очистить и промыть рану! Видал я в Айдахо фермы, где было меньше земли.

Значит, американец.

– Аппарат X-лучей¹ готов? Хорошо. Так, солдат, посмотрим. Да, верю, что чертовски больно, но это же билет домой! Да-да, даже британской армии одноногие без надобности. Санитар, этого на просвечивание, пожалуйста.

Он стоял между столами, мгновенно оценивая солдата и переходя к следующему, но Ватсон видел, какая целеустремленная деятельность разворачивалась в результате его приказаний. Поймав взгляд Ватсона, врач шутовски отсалютовал двумя пальцами.

Сестра Дженнингс ухватила Ватсона под руку, развернула и указала пальцем. Майор тяжело соглотнул, на миг перепугался, что потеряет сознание. Куртка хаки пропиталась кровью и красной охристой почвой. Но ужаснулся Ватсон источнику кровотечения. У этого человека попросту не было большей части лица – от ноздрей и ниже. Ватсону вспомнилась восковая демонстрационная модель на столе профессора Лондонского университета.

Только здесь был не воск – плоть и кость, пористые губки тканей, блестящие трубки, мышцы, нити нервов и твердая кость – устройство человека, обнажившееся под оторванной челюстью. Большую часть нёба тоже разбило, за ним видны были темные проходы синусов.

Зрелище устрашало и приводило в ярость. Круглые пули, применявшиеся в Афганистане, не производили подобных разрушений – тому порукой служили уцелевшие конечности Ватсона.

Он склонился над жуткой раной – сознание врача уже отмечало вбитые в остатки плоти зубы и кости, требовавшие удаления осколки металла. Местами рана запеклась блестящими кружками ожогов. Когда Ватсон приблизился, раненый вдруг открыл один глаз, от чего доктор шарахнулся, но сдержал себя. В глазу было пусто – ни проблеска сознания. Слава богу, лейтенантик оставался без чувств. Ватсон осторожно смахнул с его лба пару безразличных к чинам и званиям вшей.

– На бирке «М», – сказала Дженнингс. – Ему давали морфий. Может, от этого дыхание угнетено?

– Возможно.

«И возможно, – добавил про себя Ватсон, – кто-нибудь на перевязочном пункте из милосердия дал ему дозу больше предписанной. Это можно понять».

Ватсон снял с руки часы «Уилсдорф и Дэвис». В Лондоне их стиль могли счесть несколько женственным, однако наручные часы, особенно с противоосколочной защитой, лучше сочетались с мундиром, чем его обычные, карманные. Расстегнув карман, он добавил часы к лупе в оправе из слоновой кости. На оправе была дорогая ему надпись, и Ватсон никогда не расставался с этой лупой.

– Вы не принесете лампу, сестра? Здесь мало света.

Когда она выполнила просьбу, майор подробнее рассмотрел повреждение. Он с трудом сдерживал отвращение – как к ране, так и к причинившему ее оружию. Он привык к зрелищу ранений, но подобного и представить не мог в своей прошлой жизни. Возможно, Тигр Мак был прав...

Ватсон выпрямился и глубоко вздохнул, собираясь с мыслями. Он давно не практиковал, вот в чем все дело. Размяк. Слишком много писал чепухи, мало лечил. Призвав на помощь прежнюю бесстрастность врача, он снова склонился к ране.

– Понадобятся щипцы, – проговорил он, снимая куртку и закатывая рукава. – Вы правы, сестра Дженнингс. Бинт или клочок одежды закупоривает трахею.

Или то, что от нее осталось.

Там было еще кое-что.

Голос в голове прозвучал так чисто и отчетливо, что Ватсон приготовился обернуться, ища за плечом говорящего. Но он понимал, что старого друга здесь нет и быть не может. Это звучало эхо прошлого.

Вы смотрите, но не наблюдаете. Или, вернее, не используете всех органов чувств. Думайте, Ватсон, думайте!

Теперь он уловил то, что заглушалось десятками других впечатлений. Сосредоточился на одном, медленно отсекая лишнее, мешающее, собирая все внимание на нескольких молекулах, залетевших в ноздри. Он чувствовал запах горелого чеснока.

Отлично, Ватсон! – Голос в голове звучал несколько покровительственно. Тем не менее, когда после удаления комка материи в горле у несчастного забулькало, майор позволил себе

самодовольно улыбнуться. Улыбка погасла, когда он вспомнил, что означает чесночный запах. Еще одно противоестественное изобретение военного искусства.

– Готовьте к операции, – приказал он санитару. – Адреналина хлорид в рану, чтобы предотвратить кровотечение. И попросите анестезиолога влить эфир ректально. Я все запишу.

Ватсон извлек из кармана короткий карандаш и записал указания на бирке крупными печатными буквами.

– Поняли? Ректально. Плюс GSE. *Glandulae suprarenalis extractum*. Это и есть адреналина хлорид. А все извлеченные осколки сохранить и отдать мне. – Это он тоже записал.

Как только носилки сняли со стола, на их место легли другие. Он прочитал бирку, прикрепленную к рукаву рядом с нашивкой за ранение, показывавшей, что бедолага подвернулся не в первый раз. На бирке значилось подразделение, имя и чин. Этот был из королевских шотландских фузилеров. Из тех, что ходят не в клетчатых штанах – в килте; как-то они выносят вонь и окопную грязь в своих юбочках из шотландки! Ватсон осмотрел перевязку на животе и красные пятна, проступавшие по ее краю.

– Майор Ватсон! Здравствуйте, сэр!

Он поднял взгляд, всмотрелся в полное боли, не враз узнаваемое лицо.

– Де Гриффон?

Офицер кивнул, и его лицо, расслабившись, стало круглым и открытым, каким было памятно Ватсону по египетскому полевому госпиталю, где он испытывал новый метод переливания крови. Взвод де Гриффона первым попал ему в морские свинки.

– Господи боже, что вы здесь делаете?

Робинсон де Гриффон вертел головой так, словно следил за полетом теннисного мяча.

– Ищу своих людей.

– Своих?

– Да. Парней из Ли. Первая рота.

– На этом участке? – спросил Ватсон.

– Да, и мы здесь. – Де Гриффон проглотил нервный смешок. – Как тесен мир, а, сэр?

По невеликому опыту Ватсона, мир войны всегда был тесен. Он не раз поражался, как часто военная судьба сводила его с коллегами из Беркшира.

– Что случилось?

Де Гриффон снял фуражку и примял непослушные волосы, заставив их на несколько секунд лечь гладко.

– Мы возвращались с передовой, когда шальной снаряд попал в колонну. Чертовски неудачно... – Обернувшись к сестре Дженнингс, он виновато пожал плечами. – Извиняюсь. Очень неудачно. Двое убитых. Шипоботтом, Карлайл и Моррис тяжело ранены. Я надеялся найти их здесь.

Нижняя губа у него чуть вздрагивала, и Ватсону показалось, что молодой человек готов расплакаться. Он отметил, что с последней их встречи де Гриффона повысили в чине. Капитан. Сколько же ему? До тридцати явно далеко. И, учитывая благополучное прошлое, он едва ли сталкивался с чем-то похожим на войну. Де Гриффон был отнюдь не из пресловутых «временных джентльменов». Впрочем, сердце у него явно на своем месте, а быстрое повышение, кажется, было еще одной особенностью этой кампании.

– Нет, Шипоботтома я здесь не видел.

Карлайла и Морриса Ватсон не помнил, а вот сержант с причудливой фамилией врезался в память.

– Есть еще одна палатка, где принимают новоприбывших, – подсказала Дженнингс. – Ста ярдами выше по склону, налево. Наверное, они там.

Де Гриффон облегченно вздохнул:

– Благодарю вас, мисс. Надеюсь, скоро увидимся, майор.

– Буду рад, – ответил Ватсон. И, когда офицер отошел, обратился к сестре: – Какой заботливый молодой капитан.

– Офицеры очень заботятся о подчиненных, – подтвердила Дженнингс. – Бывает, потцовски опекают людей на десять – пятнадцать лет старше себя. Иногда странно такое видеть.

– Так-так, а кто у нас здесь?

– Макколл, сэр. Не «домой», док? – невнятно спросил с носилок солдат, заметив, что Ватсон занялся им. Лицо под маской грязи принадлежало мальчику восемнадцати или девятнадцати лет.

– Посмотрим... – сдержанно отозвался Ватсон.

Домой или не домой... пареньку надо было думать не о том. Майор читал статистику выживания при проникающих брюшных ранениях, связанных с заражением от почвы и ткани одежды, вбитой осколками во внутренности. Читал и о газовой гангрене, от которой кожа натягивалась как барабан, а потом лопалась, издавая упомянутый миссис Грегсон гнилостный запах. Забыть такое было нелегко. Этим запахом пропитались отдельные палаты байльского госпиталя, и никакая уборка не могла его изгнать.

Ватсон рассматривал нашивку о ранении на грязном рукаве.

– Куда вас ранило в прошлый раз?

– Пулевое в плечо, сэр. Пустяк.

Ватсон, в давние времена раненный так же, посочувствовал парню.

– Я не хочу домой, сэр.

– Неужели? – удивился Ватсон.

– Да. Не хочу бросать своих. Вы не верьте разговорам. Эта война пробирает до печенок.

Ватсон подмигнул парню, как тайному соучастнику. Раненый говорил правду: ужасы кампании породили необыкновенное чувство товарищества, и некоторые наслаждались им вопреки всем бедам. Этого чувства не доставало и Ватсону после отставки. Впрочем, тогда была другая война. Хотя кое-что остается неизменным: гордость, когда испытал себя в бою и вышел из него, не дрогнув; возможность есть, спать и сражаться рядом с людьми, за которых жизни не пожалеешь; горькая и сладкая радость даже самой малой победы. Со времен службы Ватсон редко переживал подобные чувства, разве что когда Холмс выдергивал его из уюта мирной жизни.

– Младшая сестра Дженнингс, вы не подадите ножницы? Посмотрим, что у него там. – Он присмотрелся к бирке. Пометки «М» нет – только часть, имя и чин. – Рядовой, на перевязочном пункте вам что-нибудь давали?

– Вроде чего, сэр?

– От боли?

– Доктор дал глоточек рома. Да мне не так уж плохо. – Он сумел весело улыбнуться, но улыбка прoderжалась недолго.

– Полежите пока. Мы вам что-нибудь дадим. Морфий, пожалуйста.

– Морфий кончился, – шепнула Дженнингс.

– Что?

– Морфина нет. Только что послали за ним в главное.

– Тогда аспирин. Хоть это есть?

Могло и не быть: нехватка фенола ограничивала производство препарата по обе стороны фронта.

– Есть.

– Так попробуем его.

Аспирин был германским препаратом, но Ватсон был уверен, что парень не станет ворочать нос.

– Погодите, а tinctura opii camphorata есть?

– Да, кажется.

Это был самый слабый из препаратов опиия, но все же сильнее аспирина.

Пока санитар бегал за микстурой, Ватсон срезал верхние слои бинтов. По краям все проступала кровь.

– На вид не так страшно, – солгал врач. – Откиньте голову, рядовой Макколл, отдохните немного. – Он подписал на бирке «Требуется М». Затем: «Просвечивание».

Парень послушался, и Ватсон, снимая повязку, тихо заговорил с сестрой, которая поила раненого микстурой:

– Я хотел вам объяснить, когда сестра помешала.

– Вы видели сестру Спенс в плохую минуту, майор. Вообще-то она добрая и самоотверженная.

*– Не сомневаюсь. – Ватсон продолжал, показав на горло сестры: – Я понял по этому пятну – впрочем, для такого пустяка это слишком сильно сказано – у вас на шее. Такие красивые звездообразные шрамы оставляют только москиты Сент-Киттса – *Culicoides clasterri*, – встречающиеся также на Невисе.*

– А, да. Мы их называли «сладкими мошками».

– А единственное, что могло привести британское семейство в те места, кроме, может быть, церкви, это сахарный бизнес.

Младшая сестра иронически вздернула бровь:

– Скажите, майор, вы всегда выискиваете пятнышки на шее у ваших сестер?

От улыбки на ее щеках появились соблазнительные ямочки. У майора из-под ворота уже забрызганной кровью рубашки пополз румянец. Он склонился над повязкой.

– И где вы познакомились с москитами Карибских островов, майор?

– Здесь, думаю, нужны салфетки. С москитами? А, читал монографию. Мне ее рекомендовал... – Ватсон замялся. – У меня был хороший наставник, младшая сестра Дженнингс.

Хороший? Лучший, Ватсон! Самый лучший!

Этот комментарий он пропустил мимо ушей. Память играла с ним шутки. Ватсон понимал, что это никак не связано с бывшим другом и коллегой, ведь, столкнусь они теперь на улице, Холмс на него и не взглянет.

7

Эрнст Блох, сидя в одной рубашке и панталонах, вскрыл присланную отцом коробку патронов и снял верхний слой ваты. Десять штук он бережно выложил на байковое покрытие переносного карточного столика в ногах кровати. Патроны легли рядом с трубкой, и он предвкушал, как возьмется за нее, покончив с делом. Беспокоиться, что дым крепкого черного табака помешает соседям, не приходилось – соседей у него не было.

Блох занимал отдельную ячейку в глубоком душном блиндаже. От других солдат он отгородился занавеской, выстроив собственную миниатюрную линию Зигфрида. В регулярных войсках недолюбливали снайперов, даже своих. Чистивший нужники отказник по религиозным мотивам и то пользовался бо€льшим уважением.

Блоху было все равно. Его стрельба по мишеням все же больше походила на спорт, чем отравляющие газы или огнеметы. В этом крылось что-то от правильной войны – от времен Крыма и эдинбургских стрелков, впервые применивших телескопические прицелы для отстрела русских офицеров-артиллеристов. Блох хорошо выучил урок: он сумел бы отстоять

свое ремесло в любом споре, но споры давным-давно наскучили. Пусть себе пушечное мясо злословит на его счет и на счет его соперников на стороне союзников.

Он взвесил первый патрон на маленьких весах. Потом второй и третий. Каждый отличался от другого не более чем на долю грамма. Удовлетворенный, Блох установил на ребро стальную линейку с выпиленным в ней полукруглым углублением и вставил в него патрон, отыскивая центр тяжести. То же самое повторил четырежды, убеждаясь, что точка равновесия приходится на одно и то же место. Отец точно выполнил данные в письме указания.

Шеффер принес ему чашку кофе и поспешно вышел, поправив за собой служившее занавесью толстое одеяло. Он знал, что Блох, занимаясь патронами и винтовкой, не любит отвлекаться. Снайпер только бросил помощнику ворчливое «спасибо».

Блох чувствовал дрожь земли от взрывов далеко наверху – так далеко, что звук сюда не доходил. Германские траншеи, глубокие и удобные, располагались на возвышенных и потому более сухих участках, где можно было зарыться в землю на сорок, а то и больше метров. Британцы и французы окапывались в болотистых низинах и потому обитали в мелких канавах, кое-как укрепленных досками и обложенных мешками с песком для дополнительной защиты. Блох, прежде чем его перевели в снайперы, успел при ночной вылазке побывать во французских окопах. Стыд и срам!

– Блох?

– Слушаю!

Отложив пулю и тряпицу, которой ее протирал, Блох встал по стойке смирно. В его укрытие, отбросив одеяло, вошел офицер. Старший в отделении снайперов, капитан Люкс, уроженец Саксонии, приписанный теперь, как и Блох, к Шестой армии. Невысокий Люкс хорошо держался, и мундир сидел на нем безупречно. Рядом с офицером Блох чувствовал себя неотесанным деревенским парнем, каким и был на деле. Ничего, стало бы хуже, окажись Люкс заносчивым поганцем-пруссакком.

Люкс с головы до ног оглядел Блоха. Вид солдата в исподнем, вытянувшегося, как для смотра амуниции на плацу, позабавил его.

– Вольно, Блох. Господи, здесь жарче, чем в аду.

Люкс снял фуражку, утер пот со лба и осмотрел на удивление опрятную комнатку. Взгляд его упал на остроносые пули. Он поднял одну.

– Собственные боеприпасы?

– Их делает мне отец, капитан. Такие дают меньше огня и дыма. Но еще важнее вес и баланс.

Люкс равнодушно кивнул. У каждого снайпера были свои приемы, суеверия и особое снаряжение, с которым он надеялся превзойти остальных.

– Сегодня, я слышал, снял офицера?

Блох знал, что Люкс, получавший от всех снайперов ежедневный отчет, перепроверяет его через наводчиков.

– Так точно.

– Это двадцать девятый, помнится. По крайней мере двадцать девять офицеров подтверждено.

– Да.

На самом деле счет приближался к сотне, но после полных энтузиазма первых дней, когда Блох стрелял во все, что шевелится, он стал разборчивее.

– Еще одного – и получишь Железный крест второго класса.

Блох не радовался. Он занимался этим не ради жестянок. И даже не из ненависти к отдельным британцам – он порой жалел молодых офицеров, попадавших в его прицел. Он ненавидел имперскую надменность Британии, которая заставляла страну совать нос в дела каждой нации. Блох делал свое дело потому, что верил в сильную Германию, не подчиняющуюся

юся разжиревшему островку, надутому от ощущения собственной важности. И еще потому, что это он умел.

– Благодарю, господин капитан.

– И недельный отпуск.

Вот теперь Блох позволил себе незаметно улыбнуться. Впрочем, не стоило слишком спешить за подвешенной перед носом морковкой: несколько дней с матушкой, отцом, сестрой и, может быть, с Хильдой. Армии не впервой в последний момент безжалостно отбирать обещанное под самыми жалкими предложениями.

– Британцы переводят на наш участок свежую часть, – продолжал Люкс. – Необстрелянную. Новая армия Китченера. Давно мы их ждали, а? Теоретически они должны привыкать к окопной жизни на спокойном участке. Поучиться у шотландцев, которые давно здесь.

Осведомленность Люкса не удивила Блоха. Армейская разведка поставляла точные сведения о передвижении частей и подразделений. Блох догадывался, что где-то на той стороне работают хорошие шпионы.

– Необстрелянные войска на участке – для нас шанс испытать новую тактику. – Люкс знаком велел Блоху посторониться и, достав карту, развернул ее на кровати, разгладив складки ухоженной рукой.

Две толстые черные линии – два ряда окопов – вились по листу, то сближаясь – по сведениям Блоха, до двадцати метров, – то расходясь так, что нейтральная полоса достигала полукилометра. Люкс указал на красную линию, прочерченную от деревеньки Плогстеерт через ближний лес.

– Вот эту дорогу они прозвали Стрэндом. А здесь у них Оксфордская площадь. Бывали в Лондоне, Блох?

– Нет, капитан.

– Он не похож на Берлин. Грязнее, замызаннее, но в нем есть свое мрачное очарование. И веселиться, надо отдать им должное, они умеют. Может, скоро и ты там побываешь, а? Когда он станет нашим. – Не дождавшись ответа, офицер продолжал: – Здесь... – имелась в виду восточная часть леса Плогстеерт, – Птичник, а там Сомерсет-хаус. Штаб британцев тут. Здесь будут проводить инструктаж для прибывших офицеров. А тут... – он снова ткнул пальцем в карту, – шпиль церкви Ле-Жер. Так вот, Блох, обстрелы подожгли лес, и мы полагаем, что от этого шпиля теперь открывается прямой обзор на Сомерсет-хаус. Залегший там хороший снайпер может за раз снять до полудюжины старших офицеров. В том числе... – помолчав, он достал и развернул газетную вырезку, – этого.

Блох разглядывал зернистую фотографию представительного английского майора. Каждый снайпер разбирался в знаках различия армий-союзников. Майор выходил из дверей какого-то официального здания с таким мрачным видом, словно собирался распечь на все корки незадачливого подчиненного.

– Знаешь, кто это?

– Полагаю, что да, капитан.

– Неужели?

Люкс, как видно, удивился, но кузен Блоха, Вилли, служил на флоте и часто рассказывал об этом человеке так, словно имел с ним личные счеты. Для полной уверенности Блох прочел заголовок. Английский он знал плохо, но имя есть имя, а это определенно было ему знакомо.

– Да.

– И в прицел сумеешь узнать?

Блох еще раз взглянул на сердитого офицера и кивнул.

– Молодец. Всадишь в него пулю – будет тебе Железный крест первого класса и две недели отпуска, Блох!

Не намеченная цель и не двойная награда волновала Блоха. Он смотрел на крестик, отмечавший шпиль, и на извилистые линии окопов. По-настоящему его заботило, что церковь Ле-Жер или то, что от нее осталось, стояла далеко на британской стороне.

8

Ватсон вывалился из палатки для переливания в липкую, беспросветную темноту и остановился, давая привыкнуть глазам. Голову словно обернули плотным бархатом, и не годилось ломать себе шею, спотыкаясь о тугие растяжки.

Он не помнил, сколько минуло времени с тех пор, как он увидел человека без челюсти, – да, как же его звали? Льюэлл? Ловат? Столько имен, чинов и номеров, столько сокращений, лишь намекающих на богопротивные раны. Раненые шли быстро и густо, в таком количестве, что поначалу приходилось переливать кровь от солдата к солдату шприцами, пропарафиненными против образования сгустков. Этот метод был лучше прежнего, при котором лучевая артерия донора соединялась с локтевой веной пострадавшего, переток контролировался зажимами или большим и указательным пальцем, а число попаданий и промахов было сравнимо с новой системой.

Впрочем, в конце концов он сумел набрать кровь для цитрирования у легкораненых. Солдата, согласившегося стать донором, вознаграждали двухдневным отдыхом до возвращения в часть, поэтому недостатка в добровольцах не было. Ватсон накопил на льду небольшой запас цитрированной и подписанной печатными буквами крови.

Он гадал, что сказала бы старшая сестра, узнав, что он позволил волонтеркам помогать при заборе крови. И что солдаты называли их «сестричками». Страшно было подумать, какие ядовитые ремарки извлекла бы она из своего кислотного источника.

Когда зрачки расширились, Ватсон взглянул на небо, отметив показавшиеся астрономические ориентиры: Ковш, Орион, знакомую «W» Кассиопеи. Мир был тот самый, в каком он жил всегда, под теми же небесами. Просто все стало неузнаваемым – будто его выдернули на далекую планету, откуда привычная реальность выглядела кошмарно искаженной.

В отдалении вспыхнула осветительная ракета, ненадолго озарила все под собой болезненным, неестественно белым сиянием и погасла, оставив только пятно на сетчатке. Война продолжалась даже в темноте. Окопы, до которых была не одна миля, ощущались в запахе ветра, когтившего все чувства дьявольской вонью переполненных нужников, немых тел, табачного дыма, застойной грязи и гниющих трупов. Ватсону рассказывали, что новичков эти миазмы часто доводили до рвоты. Через неделю они переставали восприниматься – сливались в единое зловоние.

Слева от себя Ватсон угадывал мрачные ряды носилок с телами, зашитыми в грубые армейские одеяла. Кто-то ходил между ними, иногда нагибаясь, чтобы осветить фонариком нашивки и надпись на бирке. Конечно, это один из полковых священников разыскивает свою паству. К утру здесь будут капелланы всех вероисповеданий и санитары-могильщики. Ватсон задумался было, как люди сохраняют здесь веру, но почувствовал, что слишком устал для богословских дискуссий.

Он стал медленно, оберегая ноющее колено, подниматься по склону к своей квартире в главном здании. Миновал склад – прежний монастырский амбар – и прямоугольные клумбы сада, теперь унылого и заброшенного. Уловил запах тимьяна и... да, анисовый аромат фенхеля. Знать бы, когда здесь снова будут растить лекарственные травы и овощи.

На лужайке перед каменными ступенями монастыря стояли палатки медсестер. Проходя мимо откинутого полога палатки старшей сестры, Ватсон заглянул внутрь. Женщина, озаренная горячей в фонаре свечой, сидела за деревянным столиком над стопкой писем, держа под

рукой кисточку и чернильницу. Цензурировала почту. Что-то заставило ее поднять взгляд и отмахнуться – проходите!

Ватсон медлил, чуть покачиваясь под накатившей волной усталости. Под черепом грохотали неестественно усилившиеся шумы: отдаленные взрывы, раскалывавшие ночное небо, чей-то кашель в палатке рядом, гудение электропроводов, питающих большой шатер, жужжание вездесущих керосинок, фыркание потревоженных лошадей из конюшни. Он тряхнул головой, выбрасывая все лишнее, и нога за ногу подошел к сестре Спенс.

– Майор Ватсон, – узнала она и, поднявшись, закрыла чернильницу, задула две свечи в фонаре для чтения. – Думаю, вам не помешает горячий шоколад. «Ровентри».

– Соблазнительно, – кивнул майор, старательно изображая энтузиазм. Хотелось ему одного – сбросить непоправимо испачканную одежду.

Сестра поставила чайник на керосинку и насыпала в эмалированные кружки по ложке порошка.

– Боюсь, молока нет. Я видела сегодня, как ваши волонтеры разносили чай. Хорошо работают. – Она подняла взгляд. – Надеюсь, они этим и ограничились.

– Они помогли мне при переливании. Стерилизовали шприцы и тому подобное.

Хитрая улыбка подсказала Ватсону, что сестра не верит ни одному слову, но возражать она не стала. Зато спохватилась, что приличия не позволяют ей оставаться с ним наедине.

– Да что там, впрочем, – никто при виде двух сухих сучков дурного не подумает.

Ватсон хотел заметить, что в нем еще осталось немного сока, но промолчал – и не только потому, что опасался ее смутить. Осмотрев свою забрызганную кровью одежду, он подумал, что выглядит, наверное, дрова дровами. Сестра права, никто не поверит, что он способен на шалости.

Он отметил, что сестра Спенс опрятно одета, что в ее палатке безупречный порядок: платяной шкаф, импровизированный туалетный столик с эбонитовым набором щеток для волос и зеркальцем, чугунный умывальник с кувшином и тазиком, а на полу две продолговатые алюминиевые грелки. Это впечатление нарушал только кожаный германский шлем, пресловутый остроконечный «пикельхаубе», висевший посреди палатки рядом с фонарем Колмана.

– Памятка с поля боя, – пояснила сестра Спенс, заметив его любопытство. – Я такого не одобряю: грабить мертвецов – мерзкое дело, но это подарок от благодарного томми. Если такие сувениры отсылать на родину, можно монетка по монетке собрать кое-что на медицину. Несут большей частью каски, медали, отвратительные зазубренные штыки. А эти жуткие остроконечники теперь стали редкостью. Садитесь сюда. – Она кивнула на складной стул рядом с койкой, на которую села сама.

Ватсон мечтал, чтобы явился Бриндл, стянул с него «Латимеры» – в ногах билась боль. Сейчас бы в турецкую баню. Ощувив себя ревматичным стариком, он всегда шел к Невиллу на Нортумберлендской. Ватсону померещился щекочущий ноздри пар.

Сестра оказалась ясновидящей.

– Знаете, здешние монахи оставили нам очень полезное заведение – пивоварню. Нет, на пиво не надейтесь, но из деревянных чанов получились очень удобные ванны. Хорошая ванна творит чудеса. К тому времени, как вы туда попадете, санитары успеют согреть воду.

Майор чуть не застонал от наслаждения, представив, как оттирает докрасна кожу. Ванна и трубочка «Шиппера» – удовольствие, в котором он себе отказывал по просьбе Эмили и к которому теперь собирался вернуться. Впрочем, табаком он не запасся, придется пока обойтись «Бредлитом».

– И непременно поешьте. Молока, как вы слышали, нет, но яиц хватает. И хлеба. Прошу вас, майор.

Сестра подала ему шоколад. Ватсон с удивлением заметил, что рука у него дрожит. Он посмотрел на нее как на чужую. Хотя это его собственная ладонь взбалтывала шоколад в

кружке – как при самой тяжелой из виденных им горячек. И еще в груди давило, и чудилось, что выбросить эту тяжесть можно только с воплем во всю силу легких.

– И это, – твердо сказала сестра Спенс.

«Это» была щедрая порция рома в рюмке из голубоватого хрусталя. Майор взял ее, опрокинул в себя, закашлялся и ощутил, как алкоголь, стекая в желудок, размывает тяжесть за грудиной.

– Полегчало?

Ватсон кивнул.

– Знаете, я, только узрев с корабля госпитальные палатки, ряд за рядом вдоль берегового обрыва, начал понимать масштаб происходящего. – Ему говорили, что непрерывный ряд палаток тянется от Кале до самой Болоньи. – А когда увидел окопы с воздуха...

– Лично я, – перебила его сестра, – стараюсь не допускать в голову того, что майор Торранс называет «общим представлением». О, генералам оно необходимо. Но нам, мне кажется, лучше заниматься тем случаем, который перед нами в данный момент, так, как будто он единственный. Стоит представить, что такое творится по всей Европе... от этого можно сойти с ума. Иногда недостаток воображения – великое благо.

Ватсон считал, что воображения у него в достатке, но и его недоставало, чтобы мысленно помножить медицинские операции в одном госпитале на сотни или тысячи госпиталей, чтобы представить, сколько молодых людей будут искалечены или убиты в конечном итоге. А ведь Европа – только один из театров военных действий этой войны – есть еще Восточный фронт, Дарданеллы, Египет, Ближний Восток, Африка... может быть, эта кошмарная математика бойни и рвалась воплем из его груди

Помотав головой, он стал пить шоколад.

– Не тревожьтесь, майор. Я слышала, что второй СЭГ уже действует. А в нашем больше нет мест. К тому же возвращаются майор Торранс и капитан Саймонд, так что у нас снова полный комплект врачей. Завтра будет легче. В смысле физически. Еще рома?

Он покачал головой и хлебнул шоколад. С резервной линии неподалеку долетел звук расстроенного пианино. Майор не сразу узнал первые такты «Вальса Сентябрь» Година. Потом ветер переменялся и унес мелодию.

– Плохие известия? – спросил Ватсон.

Сестра ответила озадаченным взглядом.

– Простите? Какие известия?

– Телеграмма. Бумага сразу выделяется цветом и текстурой. Сообщают плохие известия?

Он видел телеграмму на столе рядом с письмами. Листок был скомкан, как конфетная обертка. Это ею размахивала сестра во время перепалки с миссис Грегсон.

– Это ведь телеграмма казначейства, да? «Их величества с прискорбием»... простите, мне не следовало вторгаться...

Любопытство в нем одержало верх над воспитанием. Если так, понятна становилась ее утренняя вспышка.

Сестра Спенс покосилась на телеграмму, и подбородок у нее задрожал.

– Это про моего брата. У него случился рецидив в болонском госпитале за день до отправки на родину.

Майор на секунду прикрыл глаза. Открыть их снова было нелегко. Веки словно налились свинцом. Может, он и вправду слишком стар? И следовало внять, когда его отговаривали? Послушаться Холмса?

– Мне очень жаль, – сказал он.

Сестра коротко склонила голову и отпила глоток шоколада.

– Все они – чьи-то братья и сыновья. Или мужья, женихи. Или отцы. Все до единого. Я – такая же, как все.

– Но не все знают, что значит «рецидив».

Вздых.

– Вы тоже знаете?

– Этого термина мне не забыть. Я столкнулся с таким случаем в Байоле. Он сумел пробраться ночью на склад медикаментов. И нашел дигиталис.

Сестра не поднимала взгляда от кружки. Черты ее смягчились, сейчас он видел совсем другую сестру Спенс.

– Генри лишился гениталий. Звучит как кошмарный куплетец из мюзик-холла, да? – Ее голос, опустошенный горем, был тонким и хрупким. – Оторвало осколком, а больше ничего не затронуло. В двадцать два года. Вы представляете? Он, верно, решил, что жизнь для него кончена. Бог знает где он достал пистолет, и подозреваю, там не слишком докапывались. Мне кажется, «рецидив» для семьи звучит чуть легче, чем «самоубийство».

– По крайней мере, пока идет война, так, вероятно, милосерднее.

Сестра посмотрела на него, сморгнула влагу с глаз, и ее взгляд стал жестким.

– Майор, я сегодня... уже вчера – вела себя резче обычного... из-за этого известия о Генри. Но мое отношение к вашим волонтеркам остается прежним. Они нам не нужны. Как и канадские сестры.

– Почему же нет? У меня были прекрасные работницы из доминиона в английских больницах и в Египте.

Она снова сморщилась.

– Танцы, майор, танцы. Канадкам разрешается отплясывать с офицерами. Гулять с ними, распивать чай, танцевать. Это портит моих девушек. Подрывает мораль.

– Разрешите и своим девушкам немного поплясать.

Она нахмурилась, осуждая подобное легкомыслие.

– Цитирую старшую матрону: «Мы здесь пляшем или спасаем жизни?»

«Нельзя ли совместить?» – задумался майор, но ему было не до споров. В голове мутилось. Вероятно, от спиртного на голодный желудок.

– А у многих из этих волонтерок опасные политические взгляды. Я не позволю им отравлять умы моих сестер.

– Какие же это взгляды?

– Они радикальные суфражистки, – презрительно бросила сестра.

– Вы против суфражисток?

– Ваша миссис Грегсон...

Почему она использует это местоимение?..

– Она не «моя».

– ...Миссис Грегсон, сдается мне, как раз из тех, для кого все равны. Сестры и подсобный персонал. Вы и в самом деле считаете, что служанка имеет такое же право голоса, как ее хозяйка?

Несомненно, сестра Спенс была убежденной сторонницей иерархии и естественного порядка вещей.

– Собственно говоря, да. И мнение лакея должно учитываться так же, как мнение господина.

Она удивилась:

– Какой вы современный!

Про себя Ватсон улыбнулся. Эмили его таким не считала. Совсем наоборот. Все же он усвоил иные из самых прогрессивных ее идей.

– Мне надо идти, сестра. Спасибо за шоколад. Очень ко времени. – Встав, он пошатнулся. – И за ром.

– Хорошо. Извините за грубость. Видите, до чего нас доводят политики? Не в обиду будь сказано.

– Я не в обиде.

– Можно дать вам совет, майор? Медицинский совет. Просто одно наблюдение.

– Я здесь новичок, сестра, и с благодарностью приму совет.

– Занимайтесь теми, у кого есть шанс выжить. Всех не спасти.

– В Афганистане мы пытались.

– Там было не так много, – холодно заметила она. – И ранения, ручаюсь, далеко не такие ужасные. Младшая сестра Дженнингс рассказала про того несчастного, которому оторвало пол-лица. Я ходила на него посмотреть. На Господней земле ему не жить, и, думаю, вы это понимаете. Нас не так учили и воспитывали...

– Он умер? Ловат?

– Боюсь, что так.

– Где он теперь?

– В мертвецкой, дожидается похорон, надо полагать. А что?

– Он – свидетельство.

– Чего?

Майор объяснил, на какие подозрения навел на него запах чеснока. Что такую обезображивающую рану причинило особенно отвратительное оружие. Оружие, которое несет верную смерть.

– Вам следует сообщить в штаб. Для подобной информации есть каналы.

– Я тоже так подумал. Но начал сомневаться, не почудилось ли мне.

Вздор!

Он зевнул, отказываясь замечать самозванный «внутренний голос».

– Доброй ночи, сестра. Постарайтесь выспаться.

– Постараюсь, но прежде мне надо еще почитать, – она постучала пальцем по стопке писем, – и перетерпеть большую дозу очень слабой поэзии. Иногда мне думается, что надо бы оставить в покое военные тайны и вычеркивать вирши. Из милосердия к адресатам.

Майор выдавил улыбку, повторил: «Доброй ночи» и уже шагнул в холодную ночь, но задержался, чтобы спросить:

– Где расположен штаб бригады этого участка фронта?

– На Плаг-стрит. Точнее сказать, в Плогерстеерте. Мы называем дом Сомерсет-хаусом.

Конечно, это не настоящее название.

– Конечно, – согласился майор.

Наделяя каждый клочок чужой земли знакомыми именами, люди, как умели, спасались от безумия.

– Доброй ночи.

Затягивая шнуром вход в палатку, майор Ватсон видел, как сестра снова потянулась к телеграмме, как будто надеялась, что за прошедшие часы слова в ней чудом сложились в менее мучительном порядке.

9

Младшая сестра Дженнингс отважно приняла необходимость пустить к себе новеньких. Может быть, сестра Спенс нарочно подследила неожиданное пополнение именно к ней, однако не каждая занимала в одиночку целую палатку, поэтому такое решение проблемы выглядело логичным.

– Здесь я, – стала объяснять сестра, засветив лампу. – Выбирайте одну из тех двух. Боюсь, простыни могли отсыреть. Я вас не ждала...

Мисс Пиппери колебалась, но миссис Грегсон уже сделала выбор, просто опустив сак-вояж на одну из коек.

– Эта подойдет.

– Мы пробудем не больше недели, – оправдывалась мисс Пиппери, – и слезем с вашей шеи.

– Значит, высокое начальство застанете?

– Какое начальство?

– Фельдмаршала Хейга со свитой. Нагрянет в ближайшую пятницу – без предупреждения. Правда, нам об этом сообщили неделю назад. Чтобы сюрприз получился правильный, без сюрпризов.

– Много приходится драить?

– И красить, – вздохнула Дженнингс. – Господи, как похолодало! Смотрите, вот тут две грелки. Горячая вода в умывальной. Можно согреть постели.

– Я схожу, – кивнула мисс Пиппери, поднимая керамические цилиндры. – А вам принести?

Дженнингс помотала головой.

– Сил нет как следует раздеться.

Когда мисс Пиппери вышла, Дженнингс сняла чепец и принялась расстегивать платье.

– Она славная.

Миссис Грегсон кивнула:

– Ваш доктор Ватсон тоже.

– Да, очень мил, – согласилась миссис Грегсон.

Сестра Дженнингс нахмурилась.

– Не только это. Я хотела сказать: он очень хороший врач. Сегодня он работал наравне с людьми вдвое моложе его.

– Гм... – Миссис Грегсон не слишком вслушивалась в слова, восхищенно рассматривая стройное тело, обозначившееся под грубым платьем и юбками. – Каким чудом вы сохраняете такую фигуру?

Дженнингс смущенно опустила взгляд на слои серого, застиранного белья.

– Все время двигаюсь? Ем через раз? Так устаю, что не до еды? И спасибо за деликатность. Вы хотели сказать: тощая.

– Вы так думаете? – Миссис Грегсон вылезла из рукавов платья и, согнув правую руку, пальцами левой сжала бицепс. – Нет, я вот о чем говорю. Застылая постели и ворочая тела, я нажила мышцы, как у бомбардира Билли Уэллса. Это боксер, – ответила она на недоуменный взгляд Дженнингс. – А на свои посмотрите.

Сестра ущипнула себя за руку, тонкую, как у ребенка, в сравнении с рукой Грегсон.

– Моя мама говорила: недокормленная.

– Верее будет сказать: грациозная. – Грегсон зевнула. – Простите.

Дженнингс тоже зевнула, прикрыв рот ладонью. И стала серьезной. Подошла к двери, проверила, нет ли кого рядом. И все равно понизила голос. Брезент очень плохо глушит неосторожные разговоры.

– Понимаете, я выросла в Дидкоте.

– Право? – Миссис Грегсон не поняла, как это связано с грациозностью.

– Это рядом с Саттон Кортни.

Даже в свете лампы видно было, как побледнела миссис Грегсон.

– Ох!

– О вас там много говорили.

– Представляю себе.

– Все местные газеты шумели. Им нечасто приходится посылать репортеров в Олд-Бейли.

Миссис Грегсон опять кивнула, будто заскучав.

– «Дело Красной дьяволицы», как у нас говорили.

Миссис Грегсон резко развернулась, ухватила Дженнингс за локоть, свела пальцы в кольцо. Хрупкая, как цыплячья ножка, косточка готова была переломиться.

Дженнингс поморщилась.

– Извините, это было бестактно.

– Да.

– Я устала, – честно призналась Дженнингс. Как она могла позволить себе такое беспардонное любопытство! – Плохо соображаю.

– Дело в том, младшая сестра Дженнингс, что Элис ничего не знает. Не знает ни о Красной дьяволице, ни о Саттон Кортни. Ничего.

– О...

– И мне бы хотелось, чтобы так оно и осталось.

– Конечно. Вам еще нужна моя рука?

Они услышали шаги мисс Пиппери, возвратившейся с горячими грелками. Миссис Грегсон разжала пальцы.

– Вы меня поняли, младшая сестра Дженнингс?

Дженнингс выдернула руку. На ней остались алые следы пальцев.

– Прошу вас, не беспокойтесь, миссис Грегсон. – Она стала растирать локоть. – Я сохраняю вашу тайну.

«Может быть, иохранишь, – подумала миссис Грегсон, – только которую?»

10

Осветительная ракета взвилась над британскими позициями и зависла, презирая закон тяготения. Она горела над ничейной землей как близкое небесное тело, и ее яркое пламя не тускнело секунду за секундой. Разрушенные крестьянские дома озарились серебристым светом, словно кто-то на полную мощность включил луну. Безжалостное сияние отбрасывало глубокие, непроницаемые тени. Из их ненадежного укрытия наводчики обеих сторон высматривали каждое движение на местности.

Блох лежал неподвижно, зная, что для любого наблюдателя неотличим от борозды в перепаханной земле, пока не шевельнет хоть одним мускулом: опытный наблюдатель замечает малейшее движение. Снайпер крепко зажмурил глаза, не поддавшись соблазну. Наконец искусственное светило стало опускаться, и одновременно выгорело топливо, питавшее его короткую жизнь. Мир снова окутался оттенками серого. Ракета мягко стукнула о землю и выплюнула последний предсмертный огонек. Блох не шевелился еще минуту. Потом увидел, как три тени перед ним поднялись с земли и двинулись к британским позициям. Его сопровождение, его загонщики, «патрулентрупп», не в первый раз пересекающие ночью нейтральную полосу. Они нашивали заплатки на локти и на колени, носили мягкие бесшумные ботинки с обмотками вместо тяжелых солдатских сапог. Блох восхищался ими и доверял им настолько, что на этот отрезок пути целиком отдался в их руки.

Провожатые удалялись, и он пополз следом. Осветительная ракета служила обоюдоострым мечом. Пока она горела, можно было высмотреть любое движение на освещенном участке, зато после наблюдения на двадцать минут лишались ночного зрения. Тот, кто остался незамеченным при вспышке, легче пробирался затем в темноте.

Блох держал в голове главное: подробную карту британских окопов с квадратными зубцами огневых позиций, второй линией, ходами сообщения, пулеметными гнездами и зигзагами резервной полосы. И в первом слое памяти – подслушанный слухачами ночной пароль: «Еди-

норог». Люкс заставил снайпера раз за разом повторять это слово, избавляясь от немецкого акцента.

Трое впереди снова залегли, и Блох последовал их примеру. Потом все проворно, как четвероногие тараканы, поползли дальше, к британской «mine» – наблюдательной ячейке, прорытой под проволокой на ничейную землю. Такие передовые посты использовались недолго и забрасывались, как только их обнаруживал противник. Подкоп должен был привести его на британскую сторону, прямо в окопы. Разведчики, уже подползавшие к краю «мины», махнули, торопя Блоха.

– Единорог, – прошипел один и добавил на чистейшем английском: – С нами бош.

– Ага, давайте его сюда.

Все закончилось в несколько секунд. Двое британских наблюдателей упали под ударами дубинок. Блох получил накидку и фуражку, чтобы прикрыть свою форму. Он всмотрелся в темноту подкопа. Мысленная карта подсказывала, что ход приведет его на стрелковую позицию, оттуда – в ход сообщения, который, в свою очередь, выведет через резервные траншеи почти к самым стенам разбитой церкви. Едва ли его кто-то остановит. Если остановит, то теперь, когда на нем британская хаки, расстреляют как шпиона. К этой мысли ему не привыкать: захваченных снайперов тоже часто казнили на месте.

Блох по очереди пожал руки трем спутникам, поднял ворот накидки и двинулся дальше. Контуженых томми привели в чувство, заткнули им рты кляпами и вытолкали наверх штыками – неожиданный трофей порадует Люкса, добавив и без того немало сведений о передвижениях британцев.

Пробираясь по неровной траншее, Блох засунул руки в карманы накидки и нашел там раздавленную пачку сигарет. Из десяти остались четыре «Блэк Кэт». Если столкнется с кем, первым делом предложит закурить.

Однако он уже миновал несколько мелких землянок. Из них слышался шепот, иногда пахло табаком, но все входы были перекрыты газовыми занавесками, и никто его не окликнул. В одном открытом окопе Блох увидел двух солдат, свечкой прожигающих швы одежды, – уничтожали вшей. Они были слишком заняты охотой и не смотрели вверх. Блох усмехнулся про себя. Он знал, как бесполезно это занятие, и знал, что оставшиеся у него за спиной немцы занимаются сейчас тем же самым. В сущности, они были одной армией, разделенной несколькими сотнями метров, языком и королевскими семействами. Впрочем, последнее вряд ли.

Подальше от передовой он наткнулся на нужники: отдельно для офицеров, отдельно для рядовых. Залитые известью ямы располагались в коротком тупиковом отростке главной траншеи. Блох задержал дыхание. Здесь пахло не лучше, чем в германских.

Двадцать тревожных минут спустя он выбрался из траншеи и уже осматривал изнутри развалины церкви. Пусто, только скреблись и шныряли в щелчке на полу невидимые крысы. Он поднял взгляд к зияющей над головой дыре и различил деревянный помост на колокольне. Там он был бы невидим. Только одной мелочи Люкс не предусмотрел.

Деревянная лестница к этому помосту оказалась разбита снарядами.

Вторник

11

Ватсона разбудил внезапный приступ страха. Сердце стучало, как пошедший вразнос мотор, на загривке проступила пленка пота. Он понимал: что-то приснилось, но образы сновидения испарялись как дым, оставляя только смутное беспокойство. Он угадал чье-то присутствие в спартанской келье, служившей ему квартирой, и зашуршал соломенным матрасом в тот самый миг, когда раздвинулись шторы. Ватсон ожидал увидеть Бриндла, но силуэт у окна оказался ниже ростом. Впрочем, мало кто был выше Бриндла.

– Алло?

– Простите, что напугал вас, майор. Ваш денщик вызвался помочь могильщикам. Попросил меня принести вам чай. Вчера не было времени познакомиться. Я – Каспар Майлс.

Этого американца Ватсон вчера видел в сортировочной одетым в костюм для гольфа. Сегодня на нем была шерстяная безрукавка поверх рубашки с воротничком и галстуком-бабочкой. И еще пара фланелевых брюк, по которым даже не слишком внимательный человек отличил бы его от британца.

Майлс поставил чай на приставной столик и взял в руки пистолет, который Ватсон по давней привычке держал рядом.

– Господи, что за рухлядь?

– Мой старый армейский пистолет, – не без обиды ответил Ватсон.

– Да что вы? – Майлс взвесил его на руке. Ватсон заметил, что костяшки правой в сравнении с левой неестественно вздуты. – Что я вам скажу, майор: к нему бы приделать колеса, нанять упряжку и выкатить на передовую. Получится отменная гаубица. – Рассмеявшись, насмешник положил оружие. – Шучу. Послушайте, скоро восемь. Не хотите ли совершить обход вместе со мной?

Ватсон постарался скрыть обиду за старого боевого товарища.

– Конечно, буду рад. Но скажите, доктор Майлс, что делает выпускник Гарварда в британском эвакогоспитале?

Американец опешил, но тут же овладел собой:

– Кто сказал, что я из Гарварда?

– Никто. Но ведь вы из Гарварда?

– Конечно, – с гордостью подтвердил тот. – Из Гарвардского добровольного медицинского полка. Однако...

– Кольцо. Три открытые книги с надписью «Veritas».

Майлс опустил взгляд на кольцо с печатью на мизинце.

– Конечно же! Как я не догадался...

– Один мой коллега изучал символику американских учебных заведений для монографии, обращая особое внимание на тайные общества.

– Мое тайное общество – эта война, – усмехнулся Майлс. – Родители уверены, что я учусь в Швейцарии. Добровольцев не вносили в списки, так что им не пришло официальное уведомление. И нам не присваивают званий, поэтому... – он указал на свой штатский наряд. – Но врачи, видите ли, нужны, а я чертовски хороший врач.

Ватсон улыбнулся его молодой самоуверенности. Этому человеку не исполнилось и тридцати. Длинное гладкое лицо, аккуратно подстриженные черные усы и обезоруживающе откры-

тый взгляд. Напомаженные волосы были расчесаны на прямой пробор. От врача пахло лавровишневым лосьоном. Как видно, дома он был из щеголей.

– Не сомневаюсь. И мы, союзники, тем более признательны за добровольную помощь, что это не ваша война...

– Я считаю ее своей. Насаженные на штыки младенцы, изнасилованные монахини, казни гражданских лиц, торпедированные суда, отравляющие газы... – Он сбился. – Да, понимаю, есть преувеличения. Но я считаю, это просто война. Хорошая война.

Ватсон не был уверен, что к войне применимо определение «хорошая». Но дело фон Бока, когда Холмс еще до начала сражений разоблачил шпионскую сеть, действовавшую по всей Англии, убедило его, что некие круги в Германии питают вполне реальные экспансионистские планы покорения Европы и захвата Пролива. Справедливая война? Нет. Необходимая? Да.

– У меня есть и личные причины, – добавил Майлс.

Эти личные причины должны быть очень вескими, рассудил Ватсон. Добровольцы – врачи, сестры, водители санитарных машин – жертвовали американским гражданством. Неудивительно, что молодой человек скрыл от родителей правду.

Майлс криво улыбнулся и прижал кулак к груди.

– Разбитое сердце, если вам любопытно. Встретимся внизу через десять минут?

– Лучше через пятнадцать, – поправил Ватсон. – Мои старые суставы теперь не так легко гнутся.

– Значит, через пятнадцать. После обхода позавтракаем. – Он рванулся к двери и, уже открывая ее, спросил: – Джон Ватсон, не так ли?

– Так.

– Босуэлл Холмса-Джонсона?

– Да, так говорили. Хотя для меня это слишком лестно. Я всего лишь описывал жизнь друга и коллеги...

– А, эта ложная скромность англичан! Признайте и свои заслуги, человек. Скажите по совести, разве вы ограничивались репортажами? – Когда Ватсон не нашелся с ответом, американец улыбнулся еще шире. – Скажите, майор, мне всегда хотелось узнать. Что это за «Отвратительная история красной пиявки»? Помнится, я читал ее мальчиком и навоображал всякого разного.

«Мальчиком?» – задумался Ватсон. Да, Майлс был еще ребенком, когда он упомянул это дело в «Пенсне в золотой оправе».

– Это была опечатка.

– Опечатка?

– Да, правильно было – «о красной булавке»¹.

– О! – поразился Майлс.

– Я не стал исправлять. Образ гигантского кольчатого червя куда лучше воспламеняет воображение читателя, чем подло воткнутая в сердце булавка.

– Так-так. Да, это разочарование. – Американец двумя пальцами разгладил усы. – Вы знаете, я...

– Лучше не спрашивайте. Я редко об этом говорю, но, может быть, иные тайны лучше оставлять неразгаданными. Капелька мистики – это не так уж плохо. *Omne ignotum pro magnifico*.

Эта фраза обычно помогала отделаться от расспросов о «Редком деле об алюминиевом костыле», «Сумочке секретарши», «Погоне за Уилсоном, знаменитым тренером кенаров» и прочих неопубликованных отчетах, которыми он имел глупость поманить читателя.

Майлс кивнул.

– Верно. И о литературе, и о женщинах, как мне кажется. – Он подмигнул. – Итак, через пятнадцать минут, майор. И, если не возражаете, для обхода со мной оденьтесь, как у вас говорится, в цивильное.

Он скрылся, оставив после себя сильный аромат лавровишни. Ватсон, откинув одеяло, свесил ноги с кровати и сделал первый глоток черного, остывшего и переслащенного чая.

Он не любил лгать, но относительно «Дела о красной пиявке» они с Холмсом согласились, что мир к такому еще не готов. Ватсону, может быть, не хотелось его описывать еще и потому, что преступником оказался почтенный член сообщества Харли-стрит – врач, злодейски превративший герудотерапию в ужасное орудие пытки. Нет, пусть американец считает это опечаткой. Так спокойнее.

Образ раздувшихся кровососов, обнаруженных тогда в подпольной лаборатории, вывел Ватсона из равновесия. Теперь он припомнил свой сон и содрогнулся. Ему снился аэроплан с заглушим двигателем, винтом уходящий вниз, врезающийся в землю, ломающий хрупкие стрекозиные крылья и фюзеляж. И крики людей, бегущих к месту крушения, над которым поднимается к небесам черный дым.

Машины тяжелее воздуха. Может быть, и к ним мир еще не готов.

12

Когда миссис Грегсон проснулась, младшая сестра Дженнингс уже отсутствовала в палатке, хотя еще не пробило и семи. Ее койка была застелена с восхитительной аккуратностью. Девушка, похоже, двигалась бесшумнее призрака. Палатка выстыла, пар изо рта стелился над одеялами, как туман над поляной. Миссис Грегсон отбросила ногой холодный керамический цилиндр грелки и взбила обе тощие подушки. Элис еще крепко спала – не храпела, но посапывала, как в тревожном сне.

«Я сохраню вашу тайну...»

Она уже сожалела о своей вспышке. У Дженнингс, пожалуй, синяки останутся. Может быть, сестра таким способом пыталась подружиться: найти что-то общее и тайное от остального мира? Нет никакой тайны, напомнила она себе. Публике все известно, если знать, где искать. И ей нечего стыдиться. Просто это из прошлой жизни – из жизни, в которой еще не было Элис Пиппери и мотоциклов, войны и раненых, а был мистер Грегсон и дом, где она – хозяйка, и кровь она видела, только уколов палец швейной иглой. Каплями, а не галлонами, как теперь.

Она понимала, что надо бы встать и приготовить чай. Элис бы так и сделала. Но миссис Грегсон позволила себе погреться еще несколько минут. Она помирится с Дженнингс. Хотя лучше бы девушка молчала. У той истории было много последствий, и одно из них вовсе не понравится Элис. А терять подругу не хотелось бы.

Должно быть, она задремала, потому что вздрогнула, услышав голос сестры Спенс:

– Леди?

Сестра, скрестив руки на груди, стояла в ногах кровати мисс Пиппери и выглядела так, будто проспала четырнадцать часов на пуховой перине.

– Простите, сестра, – отозвалась миссис Грегсон. – Который час?

– Половина восьмого. Дженнингс уже час как на посту.

– Мы как раз вставали, – подала голос мисс Пиппери. Ее слипающиеся глаза говорили иное. Девушка протерла их и откинула одеяло.

– Доктор Ватсон сегодня будет занят в другом месте, и я хотела спросить, не могу ли рассчитывать на вашу помощь.

– Да, сестра, – дружно ответили обе.

– Когда выпьете чаю...

- Спасибо, сестра, – сказала мисс Пиппери. – Что вы хотели нам поручить?
- Я, – объяснила сестра Спенс, – хотела бы знать, справитесь ли вы с малярной кистью.

13

Ливень лупил в стены монастыря. С окон, потрескавшихся от грохота обстрелов, вода бежала ручьями, водостоки переполнились. Капли разбивались в пыль, и оттого над подоконниками и парапетами стоял молочный туман.

Идя коридором к офицерскому отделению – в проходе резко пахло свежей краской, – Майлс объяснял, почему просил Ватсона одеться в штатское.

– Мои обходы любят, потому что, когда раненых обходит майор Торранс, все, кто ниже чином, должны вставать у кровати. Многим этого нельзя, а они пытаются. Рвут швы, сдвигают повязки. Я предпочитаю держаться неофициально.

Бывшая часовня, в которую они вошли, лишилась всех религиозных символов, превратившись в палату для офицеров. Под высоким сводом, между голых каменных стен было холодно, поэтому здесь все время работали большие парафиновые обогреватели. Два плотных ряда стальных кроватей стояли лицом друг к другу. Некоторые были отгорожены ширмами: за ними, конечно, промывали и иригировали раны. Лавровишневый лосьон забивал привычные медицинские запахи. Сестра Дженнингс и еще одна убрали остатки завтрака. Дженнингс, обернувшись, позволила себе коротко улыбнуться, тут же спрятав улыбку за официальным поклоном.

– Доброе утро, джентльмены, – проревел Майлс. Многие ответили на приветствие. Другие, скрытые повязками или погрузившиеся в себя, едва ли заметили приход врача. – Это, джентльмены, доктор Ватсон, он мне сегодня ассистирует. Относитесь к нему как ко мне – только лучше. Так, я беру левую сторону. Посмотрите правых? – Он понизил голос: – Мы теперь оставляем их здесь дольше, не спешим переводить. Такой приказ. Слишком много офицеров покидают войну со сравнительно легкими ранениями. Теперь мы держим их здесь до возвращения в строй. Так что не спешите сплавлять легких в базовый госпиталь. Сестра! – К ним подошла Дженнингс. – Ознакомьте доктора Ватсона с пациентами?

– Конечно, доктор Майлс. Хорошо ли спалось, майор?

– Хорошо. А вам, старшая сестра Дженнингс?

– Да, спасибо. – Темные полукружья под ее глазами намекали, что еще несколько часов сна не помешали бы. – Хотя ваши волонтеры – довольно шумная компания. Начнем с капитана Морли? – Она кивнула на ближайшего пациента. – Поступил к нам десять дней назад. ПРПП – проникающее ранение посторонним предметом.

Обычно речь шла о случайных вещах, вбитых в тело взрывной волной: зачастую это было содержимое карманов пострадавшего.

– У меня в груди пара зубов, – пояснил капитан. – Причем даже не моих.

– Мы теперь часто такое видим, – перебила сестра Дженнингс. – Снаряды выбрасывают из земли фрагменты костей: животных и человеческих.

Ватсон шагнул ближе. Кожа капитана имела необычный оттенок. И в глазах присутствовал посторонний пигмент. Ватсон тронул его лоб. Прохладный.

– Счастливчик, – заметил Ватсон, когда они двинулись дальше. – Могла быть газовая гангрена.

– И была, ма... мне в этой одежде называть вас майором или доктором?

– Как вам удобнее. Но этот оттенок... Желтуха? Камни в желчном пузыре?

– По-видимому, нет.

Ватсон, остановившись, задумался. Он почти ожидал подсказки воображаемого голоса, но тот воздержался от советов. Что ни говори, в этой области доктор больше понимает.

– Что общего между Перси Шелли и Джорджем Бернардом Шоу, сестра?

– Оба писатели?

– Действительно. Но кое-кто нашел бы связь не только через литературу.

Он вернулся к капитану и задал ему тот же вопрос.

– Вегетарианцы, – радостно догадался Морли.

– Точно. Оба – известные вегетарианцы, – согласился Ватсон. – Покажите-ка ваши подошвы. – Он нетерпеливо выдернул подоткнутый край одеяла. – Вот, младшая сестра Дженнингс. Оранжевый оттенок. Где вы берете морковь?

– Мой денщик заставляет меня каждое утро пить сок.

– Только морковный?

– И спаржу, если удастся достать. В последнее время не удавалось. Не сезон.

– И вы все выпивали?

Капитан поднял брови.

– Да, конечно. Британская армия не слишком заботится о людях моих убеждений. И госпитали тоже – простите, сестра Дженнингс. Мать присылает мне овощи от Хэррода. Я делюсь с другими, но морковку оставляю себе.

– Каротинемия, – сказал Ватсон. – Неопасно. Но, если не хотите стать похожим на китайца, сократите потребление моркови, разнообразьте диету. Я бы прописал мясо и ячменное вино, но... сестра, у вас есть мармайт ¹?

– Есть.

– Две чашки в день. И жир из тресковой печени. Моркови не давать.

Капитан скривился:

– Доктор, я терпеть не могу дрожжи.

Ватсон уже отошел от него.

– И на всякий случай проверьте еще раз на диабет, – тихо сказал он. – Каротинемия может иметь скрытые причины.

На следующей кровати лежал веселый калека – нога ампутирована по колено, рука выше локтя, – счастливый от предстоящего возвращения домой. Днем его должны были отправить дальше по линии эвакуации, так что Ватсону оставалось только пожелать счастливого пути. Однако у него было чувство, что настанет день, когда его счастье прокиснет. Этого человека ждала нелегкая жизнь инвалида.

Третий пациент был отгорожен ширмой.

– Здесь младший лейтенант Марсден, – сказала Дженнингс. – Зайдите к нему. Это самострел.

«Самострел»... люди стреляли себе в руку или в ногу в надежде на списание вчистую. Те, кто поумней, по слухам, делали выстрел сквозь банку говяжьей тушенки, чтобы скрыть след ожога. Результат часто оказывался ужасен: от мяса, попавшего в пулевое отверстие, начиналось заражение. Медики звали таких раненых «Фрей Бетос», по марке аргентинских консервов.

Собравшись с духом, Ватсон отдернул занавеску и шагнул за ширму. Лейтенант, сонный очкарик, сидел, читая «Лорда Джима». Обе руки были целы. Наверное, в ступню, подумал Ватсон.

– Куда ранены? – спросил он.

– В гениталии, доктор, – мрачно ответил лейтенант.

– В гениталии?

Такой вид самокалечения был для него внове. Мало кто решится на подобное.

– Заглянул по дороге сюда в *эстаминет*.

Эстаминетом назывался местный бар, служивший не только баром.

– Насадил, можно сказать, на штык молодую девицу. Вы меня понимаете... – Лейтенант слабо подмигнул.

– Вполне, Марсден. Я должен смеяться?

Уловив перемену тона, парень сник:

– Нет, сэр.

– Вы после этого мылись?

– Лицо и руки мыл. Тщательно.

Ватсон закатил глаза.

Напускная безмятежность молодого пациента дала трещину.

– Меня, как только станет лучше, отдадут под трибунал. – При этой мысли он чуть не расплакался. – Я ведь не нарочно, но никто мне не верит. – Он понизил голос до хриплого шепота: – Мне плюют в миску с едой.

– Не думаю.

Сифилис, заключил Ватсон, осложненный комплексом вины и жалостью к себе. Венерические заболевания в армии относили к самострелам, подозревая в них предлог вернуться на родину.

– И как вы себя чувствуете?

– Слабость. Тошнота. Ужасные головные боли. Это был *maison de tolérance* – чертов голубой фонарь.

Дом терпимости для офицеров. Красный фонарь обозначал бордели для нижних чинов. Поговаривали – по крайней мере среди нижних чинов, – что едва у девушки появлялась какая-нибудь сыпь, ее тотчас переводили под красный фонарь.

– Подождите минуту. – Ватсон отступил за занавеску. Теперь он понимал, что парня отгораживали от остальных не из-за ужасных ран, а как отверженного. Офицеры, залечивающие настоящие ранения, плохо относились к ВЗ любого вида. На каждого солдата, намеренно покалечившего себя, приходились десятки молодых людей, выполнивших свой долг. Понятно, что вторые досадовали, когда первых отправляли домой.

Конечно, этот юноша, может быть, и вправду случайно подцепил болезнь, но находились больные женщины, которые продавали себя трусоватым солдатам, как билет домой.

– Чем вы его лечите? – спросил Ватсон у сестры.

– Вливания и втирание ртути, доктор.

– Ртути? Разве у вас нет сальварсана?

– Здесь нет.

– Я привез немного. Чей это пациент? Доктора Майлса?

– Майора Торранса.

Инъекции ртути были болезненным, а втирания – наложение ртутной мази – грязным и почти бесполезным делом, но новейшие средства плохо приживались среди врачей старой школы, к тому же с поставками, вероятно, были сложности.

На другой стороне палаты Майлс перешучивался с пациентом, у которого вместо ног остались два обрубка. Калека смеялся вместе с человеком, лишившим его ног. Майлс похлопал офицера по плечу и перешел к следующему. Ватсон чуточку позавидовал такому неподдельно свободному обращению. Его-то учили даже в мирной обстановке не фамильярничать с пациентами, держаться отстраненно, вдумчиво и профессионально. Ну что ж, Майлс приехал из другой страны. И принадлежал к другому поколению, а это, надо полагать, почти то же самое.

– А там что? – обратился он к Дженнингс, когда, осмотрев последнего пациента, заметил занавешенный дверной проем – створка, судя по перекрученным петлям в кладке стены, была широкой и толстой. Ее, вероятно, сорвали на дрова.

– В основном сержантский состав, – отозвалась сестра, менявшая повязку на кровото-чащей культе молодого артиллериста.

– Можно?

– Конечно, майор. Я здесь заканчиваю. Скоро отправим вас домой, да, лейтенант Уолш?

Артиллерист улыбнулся, показав, что вместе с правой рукой лишился нескольких зубов. Ватсон с восхищением взглянул на сестру, которая хлопотами с постелью и потоком болтовни заставляла юношу хоть на минуту забыть, каким тот вернется на родину.

Стену покрывала серо-зеленая плесень, прижившаяся под протекшей сточной трубой. Трубу зачистили, но сама стена, относящаяся к кухне Большого Дома, выглядела безобразно. Сестра Спенс предложила побелить ее, а потом «пройтись кистью» по парнику.

– Я бы по ней прошла! – буркнула миссис Грегсон, когда старшая сестра отошла. Она просила комбинезон, но сестра Спенс не одобряла на своем посту женщин в брюках. Она нашла для волонтерок два халата, в которых женщины стали похожи на шалтаев-болтаев. Санитары принесли два ведра воды и мешок извести, а сами ушли.

– Думаю, сперва надо отскрести эту зелень, – сказала мисс Пиппери.

– Зачем?

– Иначе известь плохо ляжет. Через две недели начнет шелушиться.

– А где мы будем через две недели? – спросила миссис Грегсон.

– Не знаю.

– А я знаю. Где угодно, только не здесь.

Нагнувшись, она вскрыла мешок. При этом сорвала ноготь и выругалась.

– Здравствуйте, леди. Вам помочь?

Это сказал младший лейтенант – чуточку голенастый, но симпатичный, с умиленно аккуратными усиками и ясными зелеными глазами. У него на скулах от смущения горели два красных пятна.

– Давно вы здесь стоите? – возмутилась миссис Грегсон.

– О, недавно. Просто вышел подышать. В палатах душно.

– Неужели?

– Ну да, вам ли не знать? Удивительно, что девушек поставили малярничать, а?

Миссис Грегсон закатила глаза.

Лейтенант смотрел на мешок с известью и ведра рядом.

– Только обязательно надо соблюдать пропорции. Часто известь замешивают слишком густо. И размешать хорошенько.

– Так уж обязательно? – съязвила миссис Грегсон.

– Да. – Осмотрев стену, лейтенант добавил: – И надо отскрести...

– Вы не могли бы найти какую-нибудь палку? – прервала урок миссис Грегсон. – Чтобы размешать.

Офицер беспомощно завертел головой.

– О... сию минуту!

– Или одолжите нам эту? – Она указала на его трость.

– А... нет. Я сейчас вернусь. Меня, кстати, зовут Меткалф. Джеймс Меткалф.

Едва Меткалф отошел, мисс Пиппери заметила:

– Ему от нас что-то нужно.

Миссис Грегсон с ней согласилась:

– Редкий офицер так сразу побежит за палкой. Пришлось бы не раз просить.

Меткалф вернулся с обломком ручки от швабры и, пока миссис Грегсон засыпала известью, умело, ни капли не расплескав, раскручивал ею воду в ведре.

– Дело в том, леди, что я пришел кое-кого повидать. Раненых.

– Вы не ошиблись адресом, – отозвалась миссис Грегсон. – Здесь их сотни.

– Нет, – поправился Меткалф и стал медленно, как полоумной, объяснять ей: – Видите ли, это мои люди. Их ранило осколками. Дело в том, что офицеры моего батальона просили

меня устроить танцы. Видите ли, нас в обозримом будущем выводят с передовой. И мы подумали, раз уж на отдыхе... Честно говоря, я собирался убить двух уток одним выстрелом.

Женщины переглянулись.

– Я хотел сказать, раз уж я пришел навестить своих, спрошу заодно, не пожелает ли кто из сестер составить компанию офицерам?

– Офицеров у нас здесь хватает, лейтенант. Или вы имели в виду целых – для разнообразия? – осведомилась миссис Грегсон.

– Ну да, в некотором роде. Господи, какая жестокая шутка.

– Мы подумаем, – вставила мисс Пиппери. Миссис Грегсон согласно кивнула. – При одном условии.

– При каком же?

Мисс Пиппери кокетливо улыбнулась:

– Помогите нам выкрасить эту стену.

Миссис Грегсон послала подруге восхищенный взгляд. Она сама не справилась бы лучше.

– Что? Когда?

– Сейчас.

Лейтенант оглядел свой безукоризненный мундир, уже припорошенный известкой. И попытался отряхнуться.

Миссис Грегсон поцокала языком.

– О, мы наверняка найдем, чем его прикрыть. Вы умеете красить?

– Приходилось, – осторожно признался Меткалф, гадая, пристало ли джентльмену заниматься физической работой. – А вы подумаете? Насчет танцев? Может, еще кого из подружек спросите?

– Мы же обещали. А лучше нашей мисс Пиппери никто фокстрот не танцует.

– Правда? – просиял Меткалф.

– Она училась у самого Гари Фокса.

Мисс Пиппери потупила взгляд – будто и вправду застеснялась.

– Господи боже! Неужели?

– В «Jardin de Danse» на крыше нью-йоркского театра.

Меткалф принялся расстегивать мундир, а миссис Грегсон с мисс Пиппери прятали друг от друга глаза, чтобы не захихикать вслух.

Они уже закончили стену и собирались перебираться к парнику, когда услышали мужской плач.

Ватсон, отодвинув занавеску, вышел из офицерской палаты в узкий коридор, закончившийся комнатой с такими же высокими потолками, но с широкими окнами, дававшими больше света. Пожалуй, бывшая трапезная, только запущенная: под протечками крыши стояли жестяные ведра, и капли выбивали на них музыкальные ноты. Кровати располагались как у офицеров – в два ряда лицом друг к другу, однако здесь был только один обогреватель, а пузатую печурку еще не затопили, и мороз пощипывал кожу.

– Майор Ватсон! Это вы, сэр?

Ватсон обернулся направо. Сержанта он узнал не сразу – его левый глаз был закрыт толстой повязкой, скрывавшей бо€льшую часть лица. Но такой нос забыть невозможно.

– Сержант Шипоботтом!

– Точно, сэр, Шипоботтом. Как вы, сэр?

– Ваш капитан говорил, что вас ранили, но на долгую беседу у нас времени не было. Как попали сюда Парни из Ли?

Ватсон говорил громко, как всегда, имея дело с фабричными рабочими, глуховатыми от вечного шума машин. Зато они наострились читать по губам, и это умение пригодилось в траншеях.

Шипоботтом указал на повязку.

– Получил в брюхо. И осколок в глазу...

– Нет-нет, друг мой, – рассмеялся Ватсон. – Я имел в виду – как вы попали в Бельгию. В последний раз я видел вас в Египте, и направлялись вы к Дарданеллам.

– Точно, сэра, да с тех пор месяц минул.

Ватсон не сразу научился разбирать ланкаширский выговор Парней из Ли с их, как говорили, «кашей во рту», но, проработав месяц их полковым врачом – солдаты охотно соглашались на опыты с переливанием за шиллинг и капельку рома, – привык. Одна из странностей войны – она сводила вместе людей из разных мест и разных классов, которым в другое время не выпало бы случая заговорить друг с другом. Такое нарушение национальных (и отчасти классовых) границ Ватсон скорее приветствовал. Даже если оно порой затрудняло разговор.

– Вы поправились, сэра? Не трясет больше?

– Да, спасибо. – У Ватсона в Египте началась умеренная малярия, достаточно изнуряющая, чтобы его отправили на родину. – Совершенно здоров, рецидивов нет, тьфу-тьфу-тьфу. Так вас прямо из Египта послали сюда?

– Ну да. Мы, как вы и сказали, вроде как к Дарданеллам готовились... а нас сюда пихнули. Чтобы мы, мол, зелень, привыкали к окопной жизни.

Ватсон уловил запах в его дыхании.

– Вы пили, Шипоботтом?

Тот уставился на врача, скроив мину, столь же забавную как его имя, которое, по словам владельца, пошло с тех пор, как первый Шипоботтом, разыскивая овцу, по самое брюхо испулся в ручье.

Кажется, он хотел отпереться, но передумал.

– Было дело. Самую малость. Не нажалуетесь на меня, сэра?

– Не стану. Но вы это напрасно. Здесь вам больше пить не следует. Вы поняли?

– Да-да...

– А как остальные?

Шипоботтом помрачнел.

– Держимся. Вот капитана Левертона потеряли. Жалко-то как...

– И мне жаль. – Ватсон говорил правду. Левертон был хорошим офицером и заметно старше большинства. Британской армии не хватало зрелых мужчин. – Как это случилось?

– Какая-то желудочная болезнь. Под конец ужас что творилось. Вы бы, поди, его спасли. Дизентерия, кишечные заболевания и, как на себе убедился Ватсон, малярия были обычным явлением.

– Я уверен, врачи сделали все возможное.

В свободном от повязки глазу Шипоботтома таилось сомнение.

– Этого де Гриффона капитаном поставили. Мы все решили: это потому, что его родня на короткой ноге с благородными. Богатеи вроде как. Ну и последыш он. Только нет, парень справляется. Думаю, удержится в капитанах.

– Не сомневаюсь. Он очень за вас беспокоился.

Ватсон знал, что де Гриффон происходит из состоятельной семьи, но он умел находить общий язык с рядовыми. Что, однако, означает «последыш»? Скорее всего, изнеженный младший сынок?

– А здесь, во Франции, в бою побывали?

– Не. Под пушками только. Чертовы пушкарки не жалеют на нас снарядов. Хуже всего «окопная стопа». Снимет иной парень сапоги, а нога раздулась со свежий каравай. Я им гово-

рил, надо разуваться, разматывать обмотки и втирать китовый жир, да только он и смердит же! Не знаю, как киты эту вонь терпят. А потом и мне попало. Доктор Майлс говорит, под повязкой просто царापина. Думаю, скоро вернусь к ребятам.

– А жена ваша как? Семья?

Шипоботтом просиял.

– Пегг у меня лучше не надо, и с мальчишками, и вообще, спасибо! Я им «лентяйку» послал, а в ответ уже три письма.

«Лентяйкой» называлась готовая почтовая открытка с набором фраз, среди которых требовалось подчеркнуть подходящие. «Был ранен в руку\ногу\бедро\лицо\туловище». «Заживает хорошо/лучше, чем ожидали/медленно». И свободное место для адреса эвакуационного пункта или госпиталя. Шипоботтом, как догадывался Ватсон, сам не написал бы и такой.

Осматривая лицо сержанта, он заметил что-то в белке здорового глаза.

– Сержант, я посмотрю вам глаз вокруг зрачка?

– Сэр...

Большим и указательным пальцем Ватсон развел ему веки. Что-то необычное. Среди сетчатки сосудов он видел голубоватое пятнышко. Что это значит? Побочный эффект проникшего в тело металла? Ватсон взял на заметку, что надо будет, когда снимут повязку, посмотреть и второй глаз.

– Все в порядке? – спросил сержант.

– Да, хорошо.

– Я, знаете, размышлял об отпуске. Черт меня побери...

В голосе этого силача Ватсону послышались слезы. Шипоботтом, веселый сквернослов (когда поблизости не было офицеров) и крепкий сын природы, был по-настоящему напуган. Он не хотел возвращаться на передовую. Кажется, прошедшая рядом смерть потрепала ему нервы.

– Но такого ценного солдата кто ж отпустит, а, сержант?

За плечом Ватсона появился Каспар Майлс.

Шипоботтом подтянулся:

– И то верно, доктор Майлс, спасибо вам. Только меня еще морочит малость. И котелок трещит.

– Морочит? – Майлс взглянул на Ватсона. – Я понимаю не больше слова из трех.

– Головокружение, – перевел тот. – А «котелок трещит» – это головная боль. Он много крови потерял?

– Да, от ранения в живот, – кивнул Майлс. – Ему вливали солевой раствор.

Ватсон слишком хорошо знал, что солевой раствор, оказывающий поначалу поразительное действие, со временем приводит к впечатляющим срывам.

– Вы могли бы влить ему цитратную кровь из моих запасов. Она творит чудеса. – Ватсон снова повернулся к пациенту: – Сержант сам мог убедиться в Египте.

– А шиллинг и ром дадут? – нахально осведомился Шипоботтом.

– Думаю, на этот вопрос вы ответите сами, сержант.

Шипоботтом изобразил смирение:

– Слушаюсь, доктор.

Ватсон повернулся к Майлсу:

– Подбор нужной группы займет одну секунду. Надо просто посмотреть, агглютинирует ли кровь донора, идет ли гемолиз. – Спыхватившись, он обратился к сержанту: – Вы свою группу не помните?

– Помню, у меня была четвертая. Лучшая.

Ватсон пытался объяснить своим подопытным морским свинкам, что четвертая группа ничем не лучше первой – это просто термины, устанавливающие соответствие, но те не верили.

– Ну вот, ему подходит любая группа – универсальный реципиент. Просто вводите цитратную кровь так же, как солевой раствор, – осторожно посоветовал Ватсон. Непозволительно было предположить, что коллега, врач, в чем-то некомпетентен или незнаком с новой методикой.

– Да, я слышал, – спокойно ответил Майлс.

– Если сержант достаточно хорошо себя чувствует, переводите его в палатку для переливания. Там меньше народу, и волонтеры смогут его наблюдать, не теряя драгоценного времени здесь. Кроме того, при потушенных лампах будет лучше снять повязку с глаза. Окон там нет.

Не говоря о том, что там, подальше от длинных ушей и любопытных глаз, Ватсону удобнее было бы обсудить душевное состояние Шипоботтома.

– Прекрасная мысль. – Майлс прокашлялся. – Доктор Ватсон, можно на два слова?

Отойдя на середину комнаты, Майлс понизил голос.

– Я хотел спросить, – осторожно начал он.

– Проблемы? – Ватсон автоматически перешел на шепот.

– Младшая сестра Дженнингс...

– Да?

– Вы были с ней вчера. В приемной. – Ватсон кивнул. – Что вы о ней думаете?

Ватсон поразмыслил, не особенно понимая вопрос. Возможно, речь шла о рекомендации на повышение или упоминание в рапорте?

– Я считаю, она превосходно справляется с работой, доктор. Самое малое, как старшая сестра. Конечно, она молода...

– Нет, я о другом, – заговорщицки прошептал Майлс. – Что вы о ней думаете? Не как о сестре.

– Я думаю о ней только как о сестре.

– Правда? – подмигнул Майлс. – Я понимаю, разница в возрасте, но ведь никогда не знаешь. Знаменитый писатель, как-никак. Есть шанс, несмотря на... – Он кашлянул и решил не заканчивать фразу. – Значит, не против, если я за ней приударю?

– Что?

– Приударю. Попробую заарканить. Я и раньше об этом подумывал, но потом увидел вас вместе так близко... Дурное дело нехитрое, померещилось что-то. Вот и решил проверить.

Ватсон поймал себя на том, что хлопает глазами.

– Доктор Майлс, если младшая сестра Дженнингс заведет с вами какие-либо отношения в этом смысле, сестра Спенс вам...

– Вот уж нет. – Майлс ткнул себя в грудь. – Доктор? Да. Но не военный. Не офицер, на меня правила не распространяются.

Ватсон в этом сильно сомневался. Едва ли сестра Спенс позволит своим подчиненным какие-то исключения из правил.

– Зато распространяются на сестру Дженнингс.

– Я и в суде буду настаивать на своем.

– А мне вы зачем об этом рассказываете?

– Я же сказал – решил, будто вы сами на нее делаете заходы. Хотел убедиться, что я не... как у вас говорится?.. Не смешаю вам карты. Хотя я, видите ли, первым ее высмотрел.

– Доктор Майлс...

– Каспар.

– Доктор Майлс, никаких карт у меня нет. Но, если вы повредите репутации или карьере этой девушки, обещаю вам...

– Ох, не будьте таким сухарем!

– Я добьюсь, чтобы вас отослали в вашу часть. Гарвардскую или как там она называется. – Майлса эта достаточно бессильная угроза не слишком встревожила. – У меня есть предложение.

– Какое же?

– Найдите себе сестру из Канады. Они больше в вашем вкусе. А теперь, извините меня, доктор, мне надо приготовить кровь для вашего пациента и разыскать своего шофера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.